

ТЕРРИ ПРАТЧЕТТ СТИВЕН БАКСТЕР

БЕСКОНЕЧНАЯ ВОЙНА

The Long War

ВПЕРВЫЕ
НА РУССКОМ
ЯЗЫКЕ!

Бесконечная земля

Терри Пратчетт
Бесконечная война

«ЭКСМО»

2013

Пратчетт Т.

Бесконечная война / Т. Пратчетт — «Эксмо»,
2013 — (Бесконечная земля)

ISBN 978-5-699-77298-8

Много лет минуло с первого путешествия Лобсанга и Джошуа Валиенте по Долгой Земле. В колониях родились и выросли новые поколения людей, уже не представляющие свою жизнь в рамках привычной нам цивилизации. Джошуа Валиенте теперь отец семейства и мэр одинокого поселения за несколько тысяч переходов от Базовой Земли, но вынужден бросить все и вновь отправиться в путь. Расселяющиеся по множеству миров люди ошибочно решили, что человек – венец творения, а значит, всякие тролли, кобольды и бигли – просто тупые животные. С чем последние категорически не согласны. Джошуа вместе с Лобсангом должны предотвратить назревающую войну, победителей в которой не будет... Впервые на русском языке! Продолжение саги о Бесконечной Земле от создателя Плоского мира Терри Пратчетта и известного писателя-фантаста Стивена Бакстера.

ISBN 978-5-699-77298-8

© Пратчетт Т., 2013

© Эксмо, 2013

Содержание

1.	6
2.	9
3.	14
4.	19
5.	23
6.	27
7.	30
8.	35
9.	39
10.	42
11.	45
12.	48
13.	50
14.	52
15.	56
16.	60
17.	62
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Терри Пратчетт, Стивен Бакстер

Бесконечная война

Terry Pratchett & Stephen Baxter
THE LONG WAR

Copyright © Terry and Lyn Pratchett and Stephen Baxter, 2013
All rights reserved.

First published as The Long War by Transworld Publishers, a division of the
The Random House Group Limited

© В. Сергеева, перевод на русский язык, 2015

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2015

* * *

Посвящается Лин и Риане, как всегда.

Т.П.

Сандре

С.Б.

1.

В альтернативном мире, в двух миллионах переходов от Земли.

Троллиху звали Мэри – так прочитала Моника Янсон на бегущей строке видеоклипа. Никто не знал, как упомянутая троллиха называла сама себя. На экране двое дрессировщиков, мужчины, один в чем-то вроде скафандра, стояли над Мэри, которая сидела, съежившись в углу, в помещении, похожем на высокотехнологичную лабораторию. Если только существо, которое напоминает кирпичную стену, заросшую черным мехом, способно съежиться в принципе. К мощной груди Мэри прижимала детеныша. Детеныш – сам по себе комок мускулов – тоже был одет в серебристый скафандр, и от датчиков, прикрепленных к его плоскому черепу, отходили проводки.

– Отдай, Мэри, – произнес один из мужчин. – Ну же, не упрямься. Мы так долго готовились. Джордж выпустит малыша в Дыру в этом скафандре, он поплавает в вакууме где-то час, а потом вернется к тебе целый и невредимый. Даже позабавится.

Второй дрессировщик хранил злое молчание.

Первый осторожными шажками приблизился к Мэри.

– Никакого мороженого, если не перестанешь упрямиться.

Огромные, совершенно человеческие руки Мэри зажестиковали. Быстро, почти неразборчиво, но решительно.

Вокруг видео в сети шли многочисленные споры: почему Мэри просто не перешла в ту минуту? Вероятно, потому, что ее держали под землей. Нельзя перейти из погреба, ведь в последовательном мире на этом месте сплошной камень. И потом, Янсон, отставной лейтенант мэдисонского полицейского департамента, знала, что есть множество способов помешать троллю перейти после того, как он оказался у вас в руках.

То, что пытались сделать эти люди, также подвергалось обсуждениям. Они находились в мире рядом с Дырой – в шаге от вакуума, от открытого космоса, от пустоты, где должна была находиться Земля. В рамках космической программы они хотели проверить, можно ли использовать в Дыре труд троллей, такой полезный на Долгой Земле. Неудивительно, что взрослые тролли с огромной неохотой заходили в блуждающую пустоту, поэтому исследователи и пытались тренировать молодняк. В том числе детеныша Мэри.

– Некогда возиться, – сказал второй, достал металлический прут – шокер – и шагнул вперед, целясь в грудь троллихи. – Сейчас мамочка скажет малышу «пока-пока»...

Мэри схватила шокер, переломила пополам и воткнула острый конец прямо ему в правый глаз.

Зрелище было жуткое, сколько ни смотри.

Мужчина рухнул навзничь, разбрызгивая ярко-алую кровь. Коллега оттащил его за пределы досягаемости тролля.

– О господи! О господи!

Прижимая детеныша к груди, Мэри, забрызганная человеческой кровью, продолжала жестиковать.

После этого события развивались быстро. Дрессировщики попытались усмирить троллиху немедленно, они даже навели на нее пистолет. Но их остановил мужчина постарше, который держался с большим достоинством и, с точки зрения Янсон, походил на бывшего космонавта.

Возмездие было отсрочено, поскольку инцидент привлек много внимания.

С тех пор как видео из лаборатории попало в сеть, оно само по себе стало сенсацией в аутернете, и жалобы хлынули потоком. Долгая Земля наполнилась примерами жестокого обращения с животными, особенно с троллями. В интернете и аутернете кипели яростные войны

между теми, кто признавал за людьми право поступать как вздумается с коренными обитателями Долгой Земли, в том числе убивать их при необходимости – некоторые ссылались на библейское господство человека над рыбами, птицами, зверями и ползучими тварями, – и теми, кто намекал, что человечеству не стоит тащить в новые миры *все* свои недостатки. Инцидент в мире рядом с Дырой – именно потому, что он произошел в рамках космической программы, воплощавшей максимум человеческих амбиций (пусть даже, как подумала Янсон, ученые проявили скорее бесчувствие, нежели откровенную жестокость), – так вот, этот инцидент стал ярчайшим примером. Шумное меньшинство взывало к федеральному правительству на Базовой Земле, требуя принять меры.

А другие гадали, что думали тролли. Потому что тролли тоже умели общаться.

Моника Янсон, которая смотрела клип, сидя у себя дома, в Мэдисон-Запад-5, пыталась расшифровать жесты Мэри. Она знала, что язык, которому троллей обучали в лабораториях, был основан на человеческом, а именно американском, языке жестов. Янсон в ходе своей политической карьеры редко имела дело с жестами, до специалиста ей было далеко, но она сумела понять то, что говорила троллиха. Как поняли и миллионы людей на Долгой Земле – все, кто видел клип.

«Я не хочу. Я не хочу. Я не хочу».

Тролли не были тупыми животными. Мэри защищала свое дитя.

«Не вмешивайся, – сказала себе Янсон. – Ты на пенсии – и больна. Твои путешествия окончены».

Но, конечно, выбора не оставалось. Она выключила монитор, выпила еще одну таблетку и взялась за телефон.

В еще одном мире, почти таком же далеком, как Дыра, не вполне человек повстречался с не вполне собакой. Первую разновидность гуманоидов люди называли кобольдами, более или менее неточно. «Кобольд» – древнегерманское название горного духа. А этот конкретный кобольд, который обожал человеческую музыку – особенно рок шестидесятых, – никогда не бывал в шахте.

Собакоподобных существ люди называли биглями, и опять-таки неточно. Они не были биглями и вообще не походили ни на одно животное из тех, что видел Дарвин во время путешествия на самом знаменитом «Бигле» на свете.

Ни кобольда, ни бигля не волновали прозвища, данные людьми. Но к людям они не были равнодушны. Точнее сказать, они их презирали. Пусть даже кобольд испытывал непреодолимую тягу к человеческой культуре.

– Тролли несчастны. Повс-сюду, – прошипел он.

– Так, – прорычал бигль. Точнее, прорычала.

На шее у нее висело золотое кольцо с сапфирами.

– Их запах пятнает мир-р-р-р...

Речь кобольда звучала почти по-человечески, а у суки представляла собой смесь рычания, жестов и поз. Но они понимали друг друга, используя квазичеловеческий язык в качестве некоего местного наречия.

И у них была общая цель.

– Загнать вонючек обр-р-р-ратно в их бер-р-р-р-логи!

Собакообразное существо выпрямилось, вскинуло волчью голову и завыло. Из сырых зарослей донеслись отклики.

Кобольд пришел в восторг при мысли о том, чего можно достичь в результате этой авантюры. Одни сокровища он припрятал бы для себя, другие обменял бы. Он старательно скрывал, что боится собачьей принцессы, своей необычной клиентки и союзницы.

На военной базе на Базовых Гавайях капитан американского военно-воздушного флота Мэгги Кауфман в изумлении смотрела на «Бенджамен Франклин», воздушное судно размером с «Гинденбург» – совсем новенькое, которым ей предстояло командовать...¹

А в спящей английской деревне преподобный Нельсон Азикиве раздумывал в контексте Долгой Земли о своем маленьком приходе – бережно хранимом уголке старины в контексте неведомых далей – и о собственном будущем...

В парке Йеллоустон, на Базовой Земле.

Смотритель Герб Льюис работал всего второй день. И, разумеется, он понятия не имел, что делать с гневной жалобой от мистера и миссис Вирджил Дэвис из Лос-Анджелеса по поводу того, что девятилетняя Вирджилия страшно расстроилась, а папочку в день ее рождения выставили вруном. Герб не был виноват в том, что гейзер отказался работать. И никому не стало легче, когда в тот же день Дэвисы увидели себя на всех новостных каналах и веб-сайтах, а странное поведение гейзера попало на первые страницы прессы.

В клинике Корпорации Блэка на Ближних Землях.

– Сестра Агнес? Я вынужден снова разбудить вас ненадолго, просто для калибровки...

Агнес показало, что она слышит музыку.

– Я не сплю. Я думаю.

– Добро пожаловать обратно.

– Обратно – откуда? Кто вы такой? И что это за пение?

– Сотни тибетских монахов в течение сорока пяти дней...

– Что за ужасная музыка?

– Все претензии к Джону Леннону. В качестве текста он взял цитаты из Книги мертвых.

– Какая трескотня.

– Агнес, для полной физической ориентации потребуется некоторое время. Но, думаю, вы уже можете увидеть себя в зеркало. Погодите минутку...

Агнес не знала, сколько времени прошло, но наконец она увидела свет – мягкий и постепенно усиливающийся.

– Вы ощутите некоторое давление, когда вас поднимут и поставят. Ничего неприятного. Мы не можем приступить к работе над свойствами передвижного модуля, пока вы не окрепнете, но в новом теле вы освоитесь с минимумом неудобств. Поверьте, я сам проходил через это много раз. Сейчас вы увидите себя...

И сестра Агнес увидела свое тело. Розовое, обнаженное и *очень* женственное. Не чувствуя, как двигаются губы – точнее, вообще не чувствуя собственных губ, – Агнес спросила:

– А до *этого* кто додумался?

---

¹ «Гинденбург» – дирижабль, построенный в 1936 году в Германии и считавшийся самым большим в мире (245 метров в длину).

2.

Салли Линдси прибыла в Черт-Знает-Где внезапно и в ярости. Но когда бывало иначе?

Джошуа Валиенте услышал ее голос, доносившийся из дома, когда возвращался после работы в кузнице. В этом мире – как и во всех мирах Долгой Земли – был конец марта и уже темнело. С тех пор как Салли девять лет назад почтила своим присутствием его свадьбу, ее визиты сделались редкими и, преимущественно, означали, что где-то стряслась беда, причем серьезная. И Хелен, жена Джошуа, прекрасно это знала. Чувствуя, как в животе стянулся узел, Джошуа ускорил шаг.

Он обнаружил Салли за кухонным столиком. Она держала в ладонях глиняную кружку с кофе и смотрела в сторону. Салли не заметила его, поэтому Джошуа задержался в дверях, чтобы посмотреть на гостью, осмыслить происходящее, прийти в себя.

Хелен возилась в кладовке – Джошуа видел, что она ищет соль, перец, спички. Салли, в свою очередь, вывалила на стол достаточно мяса, чтобы прокормиться несколько недель. Этого требовал обычай поселенцев. Семейство Валиенте не нуждалось в мясе, но правила есть правила. Они гласили, что путешественник приносит мясо, а хозяин дома в знак благодарности готовит ужин и предлагает гостю некоторые приятные мелочи, которые трудно добыть в глуши – соль, перец, уютный ночлег в настоящей кровати. Джошуа улыбнулся.

Салли гордилась тем, что была независимей, чем Дэниэл Бун и капитан Немо, вместе взятые, но, разумеется, даже Дэниэл Бун мог стосковаться по перцу.

Салли исполнилось сорок три – на пару лет старше Джошуа и на шестнадцать лет старше Хелен, что отнюдь не помогало им общаться. Седеющие волосы она аккуратно стягивала в хвост и носила свой обычный наряд – прочные джинсы и безрукавку с обилием карманов. Как всегда, Салли была сухощавой, жилистой, сверхъестественно спокойной. И внимательной.

И теперь она рассматривала предмет на стене – золотое кольцо, украшенное сапфирами, которое свисало на бечевке с грубого гвоздя местной ковки. Один из немногочисленных трофеев, которые остались у Джошуа после путешествия по Долгой Земле, проделанного в обществе Лобсанга. «Того самого путешествия», как называл его мир десять лет спустя. Кольцо было довольно безвкусное и слишком большое для человеческого пальца. Но его и сделали не люди, насколько знала Салли. Чуть ниже висело другое украшение – пластмассовый браслет. Детский, дурацкий, дешевый. Но, несомненно, Салли помнила, что значила для Джошуа эта вещица.

Он шагнул вперед, нарочно толкнув дверь, чтобы та скрипнула. Салли повернулась и критически, без улыбки взглянула на него.

– Вот и ты, – сказал он.

– А ты потолстел.

– Приятно тебя увидеть, Салли. Я так понимаю, ты пришла не без причины. Ты никогда не появляешься просто так.

– О да.

«Наверное, такой была и Бедовая Джейн², – подумал Джошуа, неохотно садясь. – Пороховая бочка, которая время от времени взрывается в твоей жизни. С той разницей, что у Салли больше доступа к туалетным принадлежностям».

Хелен возилась на кухне – Джошуа чуюл запах мяса, которое жарилось на гриле. Когда он перехватил взгляд жены, та отмахнулась от молчаливого предложения помочь. Джошуа был благодарен ей за деликатность. Хелен пыталась не мешать. Деликатность, да, но в то же время

---

² Бедовая Джейн (Марта Джейн Каннари Бёрк) – американская авантюристка второй половины XIX в., жившая на Диком Западе.

он боялся, что его ждет очередной приступ ледяного молчания. У Салли, в конце концов, были долгие, непростые и *всем известные* отношения с Джошуа, прежде чем он познакомился с Хелен. Более того, Салли стояла с ним рядом, когда он впервые повстречал ее, семнадцатилетнюю девочку, в новеньком поселении на Долгой Земле. Иными словами, молодая жена Джошуа никогда не прыгала от радости, когда появлялась Салли.

Салли ждала ответа, то ли не обращая внимания на подобные тонкости, то ли не желая обращаться.

Джошуа вздохнул.

– Ну, рассказывай. Что случилось на сей раз?

– Очередной подонок убил очередного тролля.

Джошуа покачал головой. В аутернете такие новости появлялись то и дело. Троллей угнетали по всей Долгой Земле, от Базовой Земли до Вальгаллы и дальше, до самой Дыры, судя по недавним сенсационным сообщениям о жутком инциденте, в котором принял участие детеныш тролля в скафандре эпохи пятидесятых.

– Он буквально разделал на части, – продолжала Салли. – Случай зарегистрирован правительственной организацией в Пламблайне, на самой границе Меггеров...

– Я знаю.

– Погибший тролль был молодым. Его убили, чтобы изготовить какое-то народное лекарство. В кои-то веки ублюдка арестовали по обвинению в жестокости. Но семья возмущается. Потому что, черт возьми, тролли просто животные, правда?

Джошуа покачал головой.

– Мы живем под эгидой правительства США. О чем спорить? Разве здесь не должны действовать законы о жестоком обращении с животными?

– *Здесь* творится бардак, Джошуа, федералы и правительства штатов никак не разберутся, кто за что отвечает, и в любом случае непонятно, каким образом их власть распространяется на Долгую Землю. Не говоря уже о недостатке средств для того, чтобы проводить законы в жизнь.

– Я не отслеживаю политику Базовой Земли. Мы защищаем троллей, распространив на них гражданские права.

– Правда?

Джошуа улыбнулся.

– Удивлена? Между прочим, ты не единственный сознательный человек на свете. Во всяком случае, тролли слишком полезны, чтобы выгонять их или истреблять.

– Ну, не везде люди настолько цивилизованны. Не забывай, Джошуа, Эгиду возглавляют политики Базовой Земли, которые, по большому счету, те еще сукины дети. Они ничего не понимают. Это не та публика, которая станет марать свои лакированные ботинки где-нибудь за пределами парка на Западе-3. Они не имеют понятия, насколько важно, чтобы люди сохраняли дружеские отношения с троллями. Достаточно послушать долгий зов...

Иными словами, вскоре каждый тролль на Долгой Земле должен был узнать о все подробности.

Салли продолжала:

– Знаешь, проблема заключается в том, что до Дня перехода основные сведения о человечестве тролли черпали в местах наподобие Мягкой Посадки, где они жили бок о бок с людьми. Мирно и конструктивно.

– Пусть даже и немного странно.

– Ну... да. А сейчас тролли имеют дело с *обычными* людьми. То есть с идиотами.

Охваченный страшным предчувствием, Джошуа спросил:

– Салли, зачем ты пришла? Чего ты от меня хочешь?

– Чтоб ты исполнил свой долг.

Джошуа знал: она имеет в виду, что он должен отправиться с ней в дебри Долгой Земли. Спасать мир. Опять.

«К черту, – подумал он. – Времена меняются». Он сам изменился. Его долг – быть здесь, с семьей, дома, в поселении, жители которого сделали глупость и избрали Джошуа мэром.

Он влюбился в этот поселок еще до того, как поселился в нем, решив, что первопроходцы, назвавшие свой новый дом Черт-Знает-Где, скорее всего, были весьма достойными людьми с чувством юмора – так оно и оказалось. Хелен, которая некогда отправилась вместе с семьей на поиски счастья, такой образ жизни был привычен с детства. В том месте, куда они пришли – в долину Миссисипи за миллион Земель от Базовой, – река изобиловала рыбой, а суша дичью и полезными ископаемыми, в том числе свинцом и железной рудой. Благодаря сделанному с воздуха спектрометрическому анализу ближайших месторождений, о котором Джошуа попросил в качестве услуги, они даже открыли медный рудник. В качестве приятного бонуса климат здесь оказался лишь немного прохладнее, чем на Базовой Земле, и зимой местная Миссисипи регулярно замерзала, являя собой потрясающее зрелище, пусть каждый год и грозила гибелью двум-трем беспечным поселенцам.

Когда они прибыли, Джошуа, даже по сравнению со своей молодой женой, казался новичком, несмотря на весь опыт странствий по Долгой Земле. Но со временем он обрел репутацию опытного охотника, мясника, ремесленника, а также неплохого кузнеца и плавильщика. Не говоря уже о мэре (до следующих выборов). Хелен тем временем сделалась старшей акушеркой и главным специалистом по травмам.

Конечно, им приходилось нелегко. Семьи поселенцев жили вне доступа к торговым центрам, им самим приходилось печь хлеб, коптить ветчину, топить жир и варить пиво. Поселенцы работали не покладая рук. Но работа приносила удовольствие. Из нее и состояла нынешняя жизнь Джошуа.

Иногда он тосковал по одиночеству. По творческим отпускам, как он выражался. По ощущению пустоты, когда он был совершенно один в мире. Когда ничто не давило на мозг (это давление он чувствовал даже здесь, хотя по сравнению с Базовой оно было ерундовым). Когда жутковато давало о себе знать Иное, как Джошуа называл Тишину. Нечто похожее на присутствие чьего-то обширного разума, ну или скопления разумов, где-то очень далеко. Однажды он встретил такой отдаленный разум – Первое Лицо Единственное Число. Но он знал, что есть и другие. Джошуа слышал их, как звуки гонга в далеких горах.

Что ж, всё это он получил. Но вот что, как Джошуа постепенно понял, было гораздо важнее – жена и сын... а в перспективе, возможно, второй ребенок.

Он пытался не обращать внимания на то, что происходило за пределами поселка. В конце концов, Джошуа ничем не был обязан Долгой Земле. Он спас немало жизней в последовательных мирах в День перехода, а впоследствии открыл множество Земель с Лобсангом. Он внес свой вклад в новую эпоху, не так ли?

Но в его доме, за кухонным столом, сидела Салли, воплощение прошлого, и ждала ответа. Джошуа не торопился. Даже в лучшие времена он не умел отвечать быстро. Джошуа утешался мыслью о том, что спешить никогда не нужно.

Они просто смотрели друг на друга.

Слава богу, наконец вошла Хелен и поставила на стол пиво и бутерброды. Самодельное пиво, местная говядина, домашний хлеб. Она села рядом и начала мило беседовать, расспрашивая Салли о том, где она успела побывать. После ужина Хелен вновь отказалась от помощи мужа и засуетилась, унося посуду.

Все это время между строк шел иной разговор. В каждой семье есть свой тайный язык. Хелен отлично знала, зачем здесь Салли, и после девяти лет брака Джошуа чувствовал ее грусть от неизбежной разлуки, словно ловил трансляцию по радио.

Если Салли и понимала, то не подавала виду. Как только Хелен вновь оставила их наедине за столом, она начала:

– Как ты сам знаешь, это не единственный случай.

– Какой случай?

– Убийство в Пламблайне.

– Да уж, Салли, ты не любительница легких бесед.

– И это даже не самый жуткий инцидент. Хочешь подробный перечень?

– Нет.

– Ты же видишь, что творится, Джошуа. Человечеству дали шанс. Новое начало, бегство с Базовой Земли – из мира, который мы уже испоганили...

– Я знаю, что ты сейчас скажешь.

Потому что на его памяти Салли говорила это уже миллион раз.

– Что мы, получив шанс обрести рай, облажаемся, прежде чем успеет высохнуть краска на ограде.

Хелен с решительным стуком поставила в центр стола огромную миску с мороженым. Салли уставилась на нее, как собака, обнаружившая кость бронтозавра.

– Вы готовите мороженое? Здесь?!

Хелен села.

– В прошлом году Джошуа потратил столько сил, чтобы сделать ледник. Правда, было не так уж трудно – главное, начать. Тролли любят мороженое. И у нас здесь жарко, а потому очень приятно иметь что-нибудь такое, чтобы торговать с соседями.

Джошуа слышал подтекст, даже если его не слышала Салли. «Дело не в мороженом. Дело в нашей жизни. В жизни, которую мы строим здесь. И тебе, Салли, в ней нет места».

– Ну, угощайся, у нас еще много. Уж поздно... но, конечно, ты можешь заночевать. Хочешь посмотреть школьную постановку, в которой играет Дэн?

Джошуа увидел на лице Салли неприкрытый ужас. Сжалившись, он сказал:

– Не волнуйся, все не так страшно, как кажется. У нас смышленные дети, порядочные и любезные родители, хорошие учителя... уж я-то знаю, я один из них, и Хелен тоже.

– Вы сообщаете учите детей?

– Да. Основной упор делаем на навыки выживания, металлургию, лекарственные травы, биологию Долгой Земли. Целый спектр практических навыков, от обработки кремня до изготовления стекла...

– Но мы учим детей не только выживать, – подхватила Хелен. – Мы ставим довольно высокую планку. Школьники даже изучают греческий язык.

– Мистер Йохансен. Перипатетик. Приезжает дважды в месяц из Вальгаллы, – Джошуа улыбнулся и указал на мороженое. – Ешь, пока не растаяло.

Салли взяла большую ложку и попробовала.

– Ого. Поселенцы и мороженое.

Джошуа решил, что нужно вступить за честь семьи.

– Ну, вовсе не обязательно повторять судьбу отряда Доннера³, Салли...

– А еще у вас есть мобильники, так?

Жизнь здесь и впрямь была капельку проще, чем в других поселках. На Западе-1397426 водились даже спутниковые навигаторы – и только Джошуа, Хелен и еще несколько человек знали, отчего Корпорация Блэка выбрала этот конкретный мир, чтобы испытать новые технологии, запустив двадцать четыре наноспутника с портативной пусковой установки. Своего рода подарок от старого друга...

---

³ Поход Доннера – трагический эпизод переселения американских пионеров на Запад, в ходе которого более сорока человек погибли от голода в горах Сьерра-Невады зимой 1846/47 г.

В числе тех, кто знал, была, разумеется, и Салли.

Джошуа взглянул на нее.

– Перестань, Салли. Навигаторы и все остальное здесь благодаря мне. Я это знаю. И мои друзья.

Хелен усмехнулась.

– Один инженер, который тут что-то чинил, сказал Джошуа, что Корпорация Блэка считает его «ценным долговременным вложением», достойным дальнейшего развития. Поэтому моего мужа и задабривают небольшими подарками.

Салли фыркнула.

– Значит, так Лобсанг к тебе относится. Как унижительно...

Джошуа пропустил ее слова мимо ушей, как всегда делал, заслышав это имя.

– И потом, я знаю, что некоторые пришли сюда именно из-за меня.

– Знаменитый Джошуа Валиенте.

– Почему бы и нет? Приятно, когда не нужно заниматься рекламой самим. И потом, если человек не вписывается, он просто уходит.

Салли открыла рот, готовясь отпустить очередную шпильку.

Но Хелен, видимо, решила, что с нее хватит. Она встала.

– Салли, если хочешь отдохнуть, гостевая комната – дальше по коридору. Спектакль начнется через час. Дэн – наш сын, если помнишь, – уже в ратуше, помогает украшать зал, точнее, шпыняет приятелей. Возьми мороженое с собой, если хочешь. Идти недалеко.

Джошуа натянуто улыбнулся.

– Здесь повсюду недалеко ходить.

Хелен посмотрела в грубое оконное стекло.

– По-моему, еще один идеальный вечер.

3.

Вечер действительно был прекрасным.

«Разумеется, – думал Джошуа, когда они втроем шагали в ратушу смотреть школьный спектакль, – разумеется, этот мир уже не назовешь девственным». В заросли вгрызались вырубки, из кузниц и мастерских поднимался дымок, лес прорезали неумолимые дороги. Но все-таки в глаза бросались основные вехи ландшафта – изгиб местной Миссисипи, мосты, деревянные настилы на берегах. Черт-Знает-Где выглядел точь-в-точь как его прототип на Базовой Земле – Ганнибал, в штате Миссури – в девятнадцатом веке, в эпоху Марка Твена. И это, с точки зрения Джошуа, было прекрасно.

Но сейчас идеальное небо портил висящий в воздухе твен.

Воздушное судно разгружали при помощи канатов, ящик за ящиком, тюк за тюком. В надвигающихся сумерках корпус сиял бронзой. Твен напоминал корабль из иного мира – некоторым образом так оно и было. Хотя до спектакля оставалось всего ничего, на улице стояли, глядя в небо, несколько школьников – мальчишек с характерным ненасытным видом, которые отдали бы все на свете, чтобы в один прекрасный день стать пилотом твена.

Твен был символом многих вещей, подумал Джошуа. Для начала Долгой Земли как таковой.

«Долгая Земля». В День перехода, двадцать пять лет назад, человечество внезапно открыло в себе способность переходить в последовательные миры, в бесконечную анфиладу копий планеты Земля. Не требовалось никаких космических кораблей – каждая Земля находилась в пределах пешей досягаемости. И каждая более или менее походила на оригинал, за исключением поразительного отсутствия людей и результатов их деятельности. Отдельный мир для каждого, кто хотел, бесчисленное множество Земель, если научные теории гласили правду.

Одни, столкнувшись с подобной перспективой, запирали дверь и прятались под кровать. Другие проделывали то же самое мысленно. Зато третьи процветали. И для таких людей, обитавших в рассеянных по новым мирам поселениях, четверть века спустя твены стали неотъемлемой частью пейзажа.

Десять лет назад Джошуа и Лобсанг предприняли исследовательскую экспедицию на «Марке Твене» – первом воздушном средстве для транспортировки грузов и пассажиров, способном переходить. И тогда Дуглас Блэк, глава Корпорации Блэка, построивший «Марк Твен», и главный владелец филиала, который спонсировал Лобсанга и его разнообразные проекты, объявил, что готов подарить эту технологию новому миру. Типичный для Блэка жест, который восприняли с массой цинического скепсиса и в то же время с распростертыми объятиями. И вот десять лет спустя твены колонизировали Долгую Землю, точь-в-точь как некогда повозки-конестогы и «Пони-экспресс» осваивали Дикий Запад. Твены летали и летали, связывая между собой развивающиеся последовательные миры. Они даже стимулировали рост новых отраслей промышленности. Гелий для оболочек, редкий на Базовой Земле, добывали в последовательных версиях Техаса, Канзаса и Оклахомы.

Теперь даже вести распространялись по Долгой Земле при помощи воздушного флота. Появилось нечто вроде межмирового интернета, получившего название аутернет. В каждом попутном мире твены сдавали на местные узлы связи пакеты обновлений, которые затем распространялись по данной Земле, и принимали новости и почту. Когда корабли встречались вдали от магистрального пути «Базовая Земля – Вальгалла», экипажи наносили друг другу визит, как водилось на китобойных судах в старину, и в процессе обменивались новостями и корреспонденцией. Все это происходило неформально, но в любом случае так работал интернет и на Базовой Земле до Дня перехода. Система была надежной, хоть и неофициальной: если адрес верный, письмо дойдет до адресата.

Разумеется, некоторые жители в поселках наподобие Черт-Знает-Где жаловались на присутствие чужаков, ведь твены так или иначе воплощали Базовое правительство – властно протянутую руку, которой радовались не все. Политика в отношении колоний Долгой Земли качалась туда-сюда, от враждебности и прямых запретов до сотрудничества и юридического признания. Нынешний закон гласил: если в поселении живет более сотни человек, оно обязано официально сообщить о себе федеральному правительству на Базовой Земле. Тогда его нанесли на карту и прилетали твены – они спускались с неба, доставляя пассажиров и скот, сырье и медикаменты и забирая все то, что поселенцы хотели переправить по местным каналам на гигантские транспортные узлы наподобие Вальгаллы.

Курсируя между Базовой Америкой и самыми дальними мирами, находившимися под ее эгидой, – до Вальгаллы, в полутора миллионах переходов от Базовой Земли, – твены связывали множество Америк воедино, беззлобно намекая, что все они пляшут под одну дудку. Пусть даже многие обитатели этих последовательных миров понятия не имели, о какой дудке речь и что за мелодию она играет, поскольку думали в первую очередь о себе и своих соседях. Базовая Земля с ее законами, политикой и налогами казалась чем-то невероятно далеким, абстрактным, вне зависимости от твенгов.

И сейчас две пары глаз подозрительно смотрели на очередной твен.

Салли спросила:

– Думаешь, он там?

Джошуа ответил:

– По крайней мере, его итерация. Твены не могут переходить, если на борту нет искусственного разума. Ты же знаешь, он – сплошная копия самого себя. Он любит быть там, где что-то происходит, а сейчас что-то происходит повсюду.

Они говорили о Лобсанге, конечно. Джошуа и теперь вряд ли сумел бы объяснить, кто такой Лобсанг. Или что он такое. «Вообрази себе бога внутри компьютера или телефона, твоего или чужого. Вообрази существо, которое фактически и есть Корпорация Блэка, со всей ее мощью, властью и богатством. И которое, несмотря на это, выглядит вполне здравым и благожелательным по меркам большинства богов. И иногда бранится по-тибетски...»

Джошуа сказал:

– До меня тут случайно дошел слух, что одну свою копию он отправил за пределы Солнечной системы на ракете. Сама знаешь, Лобсанг предпочитает перспективу. И считает, что предосторожность лишней не бывает.

– Значит, он сможет пережить даже взрыв Солнца, – сухо подытожила Салли. – Очень приятно. Ты с ним общаешься?

– Нет. Сейчас нет. То есть последние десять лет. С тех пор как он – ну или очередная его копия, которая осталась на Базовой Земле, – позволил какому-то придурку с ядерной бомбой в рюкзаке уничтожить Мэдисон. Мой родной город, Салли. Какой смысл в присутствии Лобсанга, если он не мог это предотвратить? А если мог, то почему не помешал?

Та пожала плечами. Десять лет назад она рядом с Джошуа стояла в разрушенном Мэдисоне. Видимо, ответа Салли не знала.

Он посмотрел на Хелен, которая шагала впереди и болтала с соседями. На лице у нее было, как сказал бы Джошуа, ветеран брачных отношений, «наилучшее» выражение. Не без основания встревоженный, он поспешил догнать жену.

Все явно испытали облегчение, когда дошли до ратуши. Салли прочитала название спектакля на написанной вручную афише, которая висела на стене:

– «Мечь Моби Дика». Да вы шутите?!

Джошуа не смог подавить улыбку.

– Отличная пьеса. Подожди, еще увидишь, как он примется громить браконьеров. Дети специально ради этого эпизода выучили несколько фраз на японском. Пошли, у нас места в первом ряду...

Спектакль действительно был замечательный, начиная с самой первой сцены, когда повествователь в штормовке вышел на сцену и объявил:

- Меня зовут Измаил.
- Привет, Измаил, – ответил зал.
- Привет, мальчики и девочки.

Когда хористов трижды вызвали на бис после финального номера – «Гарпун любви», – даже Салли хохотала в голос.

На вечеринке после спектакля дети и родители развлекались в зале. Салли тоже осталась. Но, как заметил Джошуа, на болтавших взрослых и на радостные лица детей она смотрела с очень кислым видом.

- Он рискнул спросить:
- О чем ты думаешь?
- Здесь все так мило, блин.

Хелен спросила:

- Не в твоём вкусе, да, Салли?
- Я невольно думаю, как вы беззащитны.
- Перед чем?

– Будь я циником, я бы сказала, что рано или поздно какой-нибудь харизматичный придурок растопчет ваш идиллический «домик в прерии». – Салли взглянула на Хелен. – Прости, что выругалась при детях...

К удивлению Джошуа – и, возможно, самой Салли, – Хелен расхохоталась.

– Ты совсем не изменилась. Не волнуйся. Никто нас не растопчет. По-моему, мы довольно сильны. Физически и интеллектуально, я имею в виду. Для начала, мы не верим в Бога. Большинство родителей в Черт-Знает-Где – атеисты, в лучшем случае агностики. Люди, которые живут, не требуя помощи свыше. Мы, правда, учим детей золотому правилу...

– Поступай с другими так, как хотел бы, чтобы поступали с тобой.

– Да, в том числе. И тому подобные базовые принципы. Мы отлично ладим между собой. Работаем вместе. И хорошо воспитываем детей. Они учатся, потому что им интересно. Видишь Майкла, вон того мальчика в инвалидном кресле? Он написал сценарий сегодняшнего спектакля и сам сочинил арию Ахава.

– Которую? «Вторую ногу я отдам за твой плавник»?

– Да. Ему всего семнадцать, и если он не сможет учиться музыке, значит, в мире нет справедливости.

У Салли сделался непривычно задумчивый вид.

– Ну, раз тут живут такие люди, как вы с Джошуа, у Майкла наверняка будет шанс.

Хелен сморгнула.

– Ты смеешься?

Джошуа напрягся, приготовившись к взрыву. Но Салли просто ответила:

– Никому не говори, что я так сказала, но я завидую тебе, Хелен Валиенте, урожденная Грин. Самую капельку, но завидую. Хотя и не из-за Джошуа. Кстати, отличный напиток, что это такое?

– Здесь растет одно дерево, что-то вроде клена... я покажу, если хочешь. – Хелен подняла бокал. – За тебя, Салли.

– С какой стати?

– За то, что Джошуа с твоей помощью дожил до нашего знакомства.

– Да, это так.
– Оставайся у нас, сколько будет угодно. Но ответь правду. Ты пришла, чтобы позвать Джошуа с собой, так?

Салли уставилась в бокал и спокойно ответила:

– Да. Извини.

Джошуа спросил:

– Дело в троллях? Салли, чего конкретно ты от меня хочешь?

– Поставь точку в споре о законах. Апеллируй к случаям в Пламблайне и в Дыре, ну и так далее. Попытайся добиться приказа о защите троллей, с должным проведением его в жизнь...

– То есть мне нужно вернуться на Базовую.

Салли улыбнулась.

– Почувствуй себя Дэви Крокетом, Джошуа. Выйди из лесной глуши и валяй прямо в Конгресс. Ты – один из немногих пионеров Долгой Земли, у которых на Базовой есть доступ куда угодно. Как у убийцы с топором.

– Спасибо.

– Так ты пойдешь?

Джошуа взглянул на Хелен.

– Я подумаю.

Хелен отвела глаза.

– Давай найдем Дэна. Хватит волнений для одного вечера, его теперь и так не уложишь.

Хелен пришлось дважды за ночь встать, прежде чем Дэн успокоился. Вернувшись во второй раз, она потыкала Джошуа.

– Ты спишь?

– Теперь нет.

– Я вот о чем думаю. Если ты пойдешь, возьми и нас с Дэном. Хотя бы до Вальгаллы. Но вообще-то мальчик должен хоть раз в жизни увидеть Базовую Землю.

– Ему понравится, – сонно пробормотал Джошуа.

– Нет, когда он узнает, что мы собираемся отдать его в школу в Вальгалле...

Как бы Хелен ни расхваливала местную школу перед Салли Линдси, она все-таки хотела отправить Дэна в большой город, чтобы он обзавелся новыми знакомствами и набрался опыта, который позволил бы ему сделать обдуманый выбор в будущем.

– Салли не так уж плоха, когда не изображает Энни Оукли⁴.

– Она, как правило, не желает зла, – пробормотал Джошуа. – А если желает – значит, жертва заслужила.

– Ты, кажется... только об одном и думаешь.

Он перекатился на бок, чтобы взглянуть на жену.

– Я видел новости в аутернете. Салли не преувеличивает насчет проблем с троллями.

Хелен нащупала его руку.

– Ловко подстроено. Мало того, что внезапно появилась Салли. У меня такое ощущение, что твой шофер ждет тебя в небе.

– Но ведь это чистое совпадение, что твен появился именно сейчас!

– Может быть, Лобсанг сам разберется?

– Не получится, милая. Лобсанг так дел не делает, – Джошуа зевнул, потянулся к жене, поцеловал ее в щеку и отодвинулся. – Отличный был спектакль, правда?

Хелен лежала без сна. Спустя некоторое время она спросила:

– Тебе обязательно идти?

---

⁴ Энни Оукли (1860–1926) – американская женщина-стрелок, прославившаяся своей меткостью.

Но Джошуа уже похрапывал.

4.

Он не удивился, когда Салли не вышла к завтраку.

И когда понял, что ее нет. Очень в духе Салли. Наверное, она уже была далеко, где-то в недрах Долгой Земли. Джошуа осмотрел дом, ища следы ее присутствия. Салли странствовала налегке и старалась не оставлять за собой беспорядка. Она пришла и ушла – и перевернула его жизнь с ног на голову. В очередной раз.

Джошуа нашел лишь короткую записку. «Спасибо».

После завтрака он отправился в ратушу, чтобы посвятить несколько часов управлению городом. Но тень твена в небе застилала единственное окно в кабинете, нависала над ним, отвлекала, мешала сосредоточиться на повседневных делах.

Джошуа поймал себя на том, что рассматривает одинокий плакат на стене, так называемую Декларацию самарянина, которую в минуту раздражения сочинил какой-то поселенец. С тех пор она, как вирус, распространилась по аутернету и оказалась в тысячах молодых колоний.

«Дорогой новичок. Добрый самарянин по определению добр и терпелив. Однако прежде чем принять участие в гонке за землю, учти, что добрый самарянин требует следующее:

1. Прежде чем уйти из дома, разузнай хоть что-нибудь о том месте, куда направляешься.

2. Когда доберешься, послушай, что скажут тебе люди, которые уже там живут.

3. Не верь картам. Даже Ближние Земли еще не исследованы толком. Мы не знаем, что там. И тем более не знаешь ты.

4. Шевели мозгами. Не ходи один. Где можно, бери с собой рацию. Предупреди кого-нибудь, куда направляешься. Ну и так далее.

5. Принимай все меры предосторожности, если не ради себя, то ради бедолаг, которым придется нести обратно то, что от тебя останется.

Извини за грубость, но это необходимо. Долгая Земля изобильна, но она не прощает ошибок. Спасибо, что прочитал.

Добрый самарянин».

Джошуа нравилась эта Декларация. Она отражала незыблемый и добродушный здравый смысл, которым отличались молодые нации, возникающие в недрах Долгой Земли. Новые нации, да...

Ратуша – слишком пышное название для массивного деревянного строения, в котором хранилось все необходимое для бумажной работы и которое с утра, после детского спектакля, выглядело слегка потрепанным. Что ж, для своих целей оно вполне годилось, без мрамора пока можно было и обойтись.

И, конечно, никаких статуй снаружи, в отличие от административных зданий в Базовой Америке. Ни пушек времен Гражданской войны, ни бронзовых табличек с именами павших. Когда растущий город зарегистрировался, федеральное правительство предложило поселенцам нечто вроде набора для изготовления памятников, чтобы соединить поселок будущего с американским прошлым. Но обитатели Черт-Знает-Где отклонили это предложение по многим причинам, большинство из которых были связаны с приключениями, пережитыми их прадедушками в Вудстоке и штате Пенсильвания. Никто еще не проливал кровь за *эту* землю, не

считая Хэмиша, свалившегося с часовой башни, ну и, разумеется, жертв москитов. Так к чему памятники?

Джошуа напугала горячность сограждан, и с тех пор он иногда об этом задумывался, на свой тихий лад. Он пришел к выводу, что вся проблема в идентичности. Возьмем историю. Отцы-основатели Соединенных Штатов по большей части были англичанами... вплоть до того момента, когда они осознали, что можно ими не быть. Население Черт-Знает-Где по умолчанию считало себя американцами. Но они уже становились ближе к своим соседям в данном конкретном мире – к горсточке поселений в последовательных версиях Европы, Африки и даже Китая, с которыми общались при помощи коротковолнового радио, – нежели к обитателям Базовой Земли. Джошуа с интересом наблюдал за тем, как менялось ощущение национальной принадлежности.

Тем временем отношения с Базовой Америкой становились все менее приятными. Споры шли годами. Юридически выражаясь, несколько лет назад администрация президента Коули – сам Коули незадолго до того добился лишения колонистов всех прав и доходов на Базовой Земле – обнаружила, что из ее рук уплывают значительные налоговые поступления от торговли, которая развивалась как между разнообразными поселениями Долгой Земли, так и между отдаленными мирами и Базовой Землей. Коули объявил: если вы находитесь под эгидой Соединенных Штатов, то есть живете в последовательной версии Америки, на востоке или на западе, неважно как далеко, – вы де-факто являетесь американским гражданином, подчиняетесь американским законам и обязаны платить американские налоги.

Тут-то и возникали вопросы. Налоги? На что? И как их платить? Местная торговля в основном осуществлялась за счет натурального обмена, или при помощи расписок, или с уплатой услугой за услугу. Только на Ближних Землях в игру вступали доллары и центы. И многим налогоплательщикам было нелегко скопить достаточно денег, чтобы удовлетворить упомянутые налоговые запросы.

Но даже если налоги удавалось заплатить, что колонисты получали взамен? Им хватало еды, свежей воды, чистого воздуха, земли. О, земли было много. Что касается более замысловатых вещей, то десять лет назад поселенцу приходилось возвращаться домой, если он нуждался в чем-нибудь высокотехнологичном, от стоматологии до услуг ветеринара, и платил он, разумеется, долларами. Но теперь даже в Черт-Знает-Где стояла новенькая больница, а ниже по течению, в Твистед-Пик, – ветеринарная клиника, и у тамошнего врача была быстрая лошадь, партнер и ученик. Если человек хотел смотаться в большой город, Вальгалла представляла собой аутентичный палаточный мегаполис, непрерывно растущий в Верхних Меггерах, и там имелись все возможные достижения культуры и техники.

Колонистам всё труднее становилось понять, для чего вообще нужно Базовое правительство – и, следовательно, что они получают, платя налоги, в основном из сумм, вырученных за доставку сырья, которое караваны твенгов непрерывно возили на Базовую Землю. Даже в этом уютном и цивилизованном городке, вдалеке от «мозговых трестов» Вальгаллы, населенной людьми наподобие Джека, отца Хелен, кое-кто призывал окончательно разорвать узы, связывающие поселение со старой Америкой.

Тем временем, после нескольких лет относительного затишья, в ходе недавних контактов с Базовой Землей Джошуа замечал растущую неприязнь федерального правительства к молодым колониям. В Базовой Америке даже поговаривали, что колонисты – это паразиты, пусть даже их оставшееся дома имущество уже давным-давно было конфисковано. Несомненно, Коули мечтал переизбраться в текущем году на новый срок; во время первой гонки за кресло в Белом доме он примкнул к умеренным, сделав этот вынужденный шаг после мэдисонского инцидента, когда большую часть населения спасли от ядерного взрыва, заставив перейти с «нулевого уровня». Некоторые комментаторы подозревали, что Коули вновь склонялся на сторону своих изначальных соратников, «Друзей человечества», рьяных противников перехо-

дов. Соединенные Штаты давно уже привыкли подозревать все остальные страны на свете – и теперь подозревали самих себя.

Джошуа, глядя на солнечное небо за окном, вздохнул. Как далеко это может зайти? Было хорошо известно, что Коули при помощи твенов собирается устроить демонстрацию военной мощи на Долгой Земле. В аутернет просачивались мрачные слухи – а может быть, дезинформация – о том, что планировались и более решительные действия.

Стоило ли ждать войны? Большинство войн в прошлом велись из-за земли и богатств, так или иначе. Но благодаря неисчерпаемому изобилию Долгой Земли причина для конфликта исчезла, не так ли? Зато бывали прецеденты, когда репрессивное налогообложение и прочие действия центрального правительства вели к тому, что колонии начинали бороться за независимость...

Бесконечная война?

Джошуа посмотрел на твен, который по-прежнему загадочно висел над городом и ждал его, чтобы вновь унести навстречу приключениям.

Он пошел искать Билла Чамберса, городского секретаря, бухгалтера, лучшего охотника, превосходного повара и потрясающего лжеца, хотя это последнее свойство мало кого заставляло усомниться, когда Чамберс называл себя отдаленным наследником поместья Бларни в Ирландии.

Они были ровесниками и некогда дружили в Приюте, насколько мог завести друзей такой нелюдим, как Джошуа. Несколько лет назад он принял Билла с распростертыми объятиями, когда тот появился в Черт-Знает-Где. Вернувшись из путешествия с Лобсангом, Джошуа обнаружил, к своему неудовольствию, что стал знаменитостью – тем более что Лобсанг вместе с Салли ушел в тень, оставив Джошуа на виду, – и чаще начал обращаться к людям, которых знал раньше, до того как прославился. К людям, которые были тактичны и ничего от него не требовали.

В некоторых отношениях Билл совсем не изменился. Он всякий раз напоминал о своих ирландских корнях, когда только возникала возможность. И пил больше, чем в юности. Точнее сказать, *еще* больше.

Билл неторопливо шагал к дровяному двору, когда заметил Джошуа.

– Здорово, господин мэр.

– Ага, и тебе привет. Послушай... – и Джошуа рассказал, что ему нужно на Базовую Землю. – Хелен настаивает, что они с Дэном пойдут со мной. Ну... идея неплохая. Но лучше подстраховаться.

– На Базовую, говоришь? Где бандюки, громилы и прочая милая публика? Договорились.

– Утренний Прилив тебя отпустит?

– Сейчас она топит свечное сало во дворе. Я у нее потом спрошу... – Билл кашлянул, и на этом его попытки проявить деликатность закончились. – Кстати, во сколько нам станет проезд?

Джошуа взглянул на ожидавший в небе твен.

– У меня ощущение, что никто из нас за дорогу платить не будет, старик.

Билл присвистнул.

– Неплохо. Тогда я бронирую нам лучшие места. А Хелен, кстати, тебе дала вольную, э? Джошуа вздохнул. В будущем предстояла еще одна непростая сцена.

– Я об этом позабочусь, Билл. Правда.

Они зашагали дальше вместе.

– Кстати, как там ваш спектакль?

– Кошка сдохла.

– Неужели так скучно?

– Нет, у них действительно умер корабельный кот. Очень трогательная сцена во втором акте.

5.

Хелен Валиенте, урожденная Грин, хорошо помнила тот момент, когда испортились отношения между Базовой Землей и ее детьми, рассеянными по Долгой Земле.

Она была еще подростком и жила в Перезагрузке, на Западе-101754. Все эти годы Хелен вела дневник, где описывала детство, проведенное в Базовом Мэдисоне, переезд в Мэдисон-Запад-5, а затем путешествие с семьей через сто тысяч миров, чтобы основать новое поселение в пустом мире – поселение, которое они выстроили сами, имея в распоряжении только собственные руки, умы и сердца. А наградой со стороны Базовой Америки – да, они по-прежнему считали себя американцами – стала ненависть. Хелен вспоминала: именно это – даже не болезнь жены – окончательно превратило мягкого Джека Грина из выросшего на Базовой Земле инженера-программиста в сурового колониста и рьяного радикала.

Двенадцать лет назад. Ей тогда было пятнадцать.

Кризис. Молодое поселение под названием Перезагрузка переживало раскол.

Некоторые ушли, чтобы начать еще раз своими силами. Другие вернулись на Сотысячную дожидаться, когда Компания соберет партию для возвращения на Базовую Землю. Сама Хелен больше всего переживала из-за того, что папа не разговаривал с мамой, хотя она и болела.

Виновато было правительство. Колонисты получили письмо, которое робко принес почтальон по имени Билл Ловелл. Американская почтовая служба уже уволила Билла, но он сказал, что будет разносить письма просто так, пока целы ботинки, и поселенцы обещали в уплату его кормить.

Письмо пришло от федерального правительства. Все люди, постоянно живущие в мирах за пределами Запада или Востока номер двадцать и обладающие какими-либо активами на Базовой Земле, лишались упомянутых активов, которые конфисковывались в пользу государства. Поскольку мама лежала больная, отцу пришлось объяснить Хелен, что такое «активы» и «конфисковать». Это значило, что все деньги, которые папа с мамой заработали, прежде чем отправиться на Долгую Землю, и оставили на банковских счетах, чтобы платить, например, за лекарства от рака, за содержание оставшегося дома брата Рода, за колледж, если бы Хелен и ее сестра Кэти однажды захотели бы учиться дальше... все деньги украло правительство. Украло. Так сказал папа. И Хелен не сочла это чересчур резким словом.

Отец сказал, что земная экономика пошатнулась от переходов. Причем еще до того, как Грины ушли. Люди, которые покинули Долгую Землю, представляли собой сплошной отток трудовых ресурсов, тогда как обратно на Базовую поступал лишь тоненький ручеек продуктов и сырья. Оставшиеся злились, что им приходилось содержать бродяг и лодырей, как они называли колонистов. Более того, некоторые вообще не умели переходить, а потому ненавидели тех, кто умел. Например, Род, родной брат Хелен, оставшийся дома. Хелен часто задумывалась, что он чувствует.

Отец сказал:

– Похоже, правительство решило умаслить противников переходов, совершив *воровство*. Во всем виноват этот крикун Коули.

– Ну и что мы теперь будем делать?

– Соберем совет в ратуше, вот что.

Правда, тогда еще у них не было ратуши. Было общественное поле, расчищенное от зарослей и камней, которое они называли ратушей, и именно там собрались поселенцы. «Хорошо, что нет дождя», – подумала Хелен.

Рис Генри, бывший торговец подержанными автомобилями – нечто вроде местного мэра, – председательствовал на собрании, в своей обычной задиристой манере. В руке он держал письмо.

– Ну и что мы намерены делать?

Они не собирались терпеть, дело ясное. Поговаривали о том, чтобы маршем протеста дойти до Базового Вашингтона. Но кто останется кормить кур?

Поселенцы решили составить список вещей, которые по-прежнему доставляли с Базовой Земли. Во-первых, лекарства. Книги, бумага, ручки, электронные приборы, даже предметы роскоши наподобие духов. Делясь, обмениваясь, ремонтируя, они, возможно, смогли бы продержаться с имеющимся запасом, пока события не войдут в колею. Кому-то пришлось в голову, что нужно поближе сойтись с соседями. По дюжине ближайших миров было разбросано немало поселений, уже получивших название «округ Нью-Скарсдейл». Колонисты могли помогать друг другу в экстренных случаях, делиться необходимым.

Некоторые задумались о возвращении на Базовую. Мать с ребенком-диабетиком. Люди, которые поняли, что приближающаяся старость плохо сочетается с тяжелым фермерским трудом. Те, кому просто было страшно жить без поддержки правительства, как бы далеко оно ни находилось. Но другие, например отец Хелен, убеждали их не уходить. Поселенцы полагались друг на друга. Они создали спектр взаимодополняющих навыков, которые помогали им выживать, если все работало сообща. Нельзя же, чтобы поселение, которое они создали, распалось. И так далее.

Рис Генри позволил им говорить, пока все не выдохнулись. Люди разошлись, не придя ни к какому решению.

На следующее утро, впрочем, солнце встало по расписанию, надо было кормить кур и таскать воду. Жизнь продолжалась.

Три месяца спустя.

Кэти, сестра Хелен, перенесла свадьбу на более ранний срок. Они с Гарри Бергрином собирались подождать до следующего года, поскольку хотели построить приличный дом. Все поняли, что они решили пожениться поскорей, пока мама была еще жива и могла на них посмотреть.

Хелен, как и многие девочки, выросла, мечтая о свадьбе как у сказочной принцессы. И вот она увидела свадьбу поселенцев. Получилось иначе, но все равно весело. Гости начали сходитья рано, но Кэти, Гарри и их родственники уже приготовились к приему. Жених и невеста были одеты по-домашнему – никаких белых платьев и смокингов. Впрочем, Кэти носила небольшую изящную вуаль, которую смастерила Хелен из подкладки к старому спортивному костюму.

Постепенно собирались друзья и знакомые извне – из поселков Нью-Скарсдейла и из других, более дальних мест. Гости приносили цветы и угощение к столу, а также кое-какие практичные подарки – столовые приборы, кастрюли, тарелки, кофейники, чайники, сковороды, набор инструментов для очага, чистилку для обуви. Некоторые из этих вещей были сделаны на месте – посуда в гончарне Перезагрузки, железные предметы в кузне. Сложенные кучкой у большого очага в доме Гринов, подарки не особенно впечатляли, но Хелен вскоре поняла, что, по сути, это именно то, что нужно молодой чете, чтобы обставить свое первое жилище.

Около полудня появился Рис Генри. В довольно щегольской куртке, чистых джинсах, сапогах, при узеньком галстуке, чисто умытый. Хелен знала, что никто в Перезагрузке не воспринимал «мэра Генри» так серьезно, как он сам. Но все-таки в поселке нужен человек, обладающий властью официально скрепить брак – вне зависимости от далекого правительства, – и Генри играл свою роль хорошо. Ну и шевелюра у него была роскошная.

Когда Гарри Бергрин поцеловал невесту и все зааплодировали (а мать невесты держалась за руку мужа, чтобы сфотографироваться стоя), даже у почтальона Билла на глаза навернулись слезы.

Хелен записала в своем дневнике, что это был хороший день.

Еще три месяца спустя.

«2 ребенок у Бетти Доук Хансен. Здрв. млч, 7 ф. Мать б-на, швы, крвтч.»

Хелен устала. Слишком устала, чтобы писать в дневнике дурацкой скорописью, пусть даже теперь им приходилось экономить бумагу.

Роды прошли не так уж плохо. Белла Доук и ее маленькая команда акушерок и учениц, в том числе Хелен, были уже достаточно компетентны в своем деле, хотя тем утром и работали наперегонки со смертью. Хелен пришлось бегать по городу, ища доноров. Они все служили ходячими банками крови друг для друга, но не всегда удавалось найти нужную группу достаточно быстро. «Вот тебе урок, – подумала Хелен. – Составь список групп крови и тех, кто готов поделиться».

Папа ушел рано утром, вскоре после того, как Хелен вернулась. Наверное, на мамину могилу у реки. Маме всегда нравилось это место. Уже прошел месяц с тех пор, как она умерла от рака, и отца по-прежнему мучила совесть, словно он был в чем-то виноват, словно вызвал опухоль, приведя жену сюда. Хотя, конечно, он был ни при чем, ведь, насколько помнила Хелен, именно мать всегда служила движущей силой – она настояла на том, чтобы покинуть Базовую Землю.

Месяц, который казался длиннее полугодом, с тех пор как их отвергло федеральное правительство. «Господи, – подумала Хелен, – а мы по-прежнему здесь, кто бы мог подумать?»

Пришлось учиться быстро. Они гораздо сильнее, чем сознавали, полагались на разнообразные блага с родины. Теперь поселенцы все делали сами. Вязали, варили пиво, лили свечи, готовили суп. Из тыквенной кожуры получался неплохой уксус, а из молотого древесного угля – зубная паста. Стало легче, когда Билл Ловелл принес новый товар – миниатюрные наборы справочников и энциклопедий, а также подшивки «Научной Америки» начала пятидесятых, полные чертежей паровых машин и практических советов по огромному количеству поводов. Колонисты даже всерьез задумались, что именно стоит выращивать в полях и на огородах, после того как прекратилась поставка витаминных таблеток и в поселке зафиксировали несколько случаев цинги. Цинги!

Они помогали друг другу. Я натаскаю тебе воды, пока у тебя болеет ребенок, а ты покормишь моих кур, когда я буду в отлучке. На все была своего рода неписаная цена, получившая название «фавор» – валюта подвижного достоинства, основанная на взаимных услугах, обменах и долговых расписках. Маме наверняка понравилась бы сама себя регулирующая местная экономика.

Несмотря на суровые предупреждения о том, что случится, когда исчезнет теоретическая защита Базового правительства, поселок не заполонили толпы бандитов. Конечно, бывали проблемы, например новые волны эмигрантов, которые время от времени приходили с Базовой или с Ближних Земель и пытались осесть в окрестностях Перезагрузки. Юридически ситуация была непростая, потому что свои права на землю колонисты обговорили с федеральным правительством на Базовой Земле, которое вроде бы ими больше не интересовалось. Но мэру Нью-Скарсдейла обычно удавалось спровадить пришельцев, выдав клочок бумажки с подписью, дарующий им землю в пятидесяти или сотне миров дальше на Запад (сделку, как правило, обмывали в таверне в обмен на пригоршню расписок). На Долгой Земле всегда находилось свободное место – столько места, что хватало всем желающим.

Конечно, еду то и дело воровали с полей – и даже из домов (что упрощали переходы). В основном поселенцы смотрели на это сквозь пальцы. Однако события приняли серьезный

оборот, когда с полочным застучали парнишку по имени Дуг Коллинсон, пытавшегося утащить бета-блокаторы из аптечки Мелиссы Гаррис, которой прописали сердечные лекарства. Дугу они были не нужны – он собирался их кому-то продать. Хорошие лекарства числились среди самых дорогих вещей в поселке. Мелисса поймала Дуга и догадалась разбить палкой переходник, чтобы он не сумел удрать, прежде чем сбежались соседи. И сейчас Дуг сидел под арестом в погребе, пока старшие решали, что с ним делать. Медленно, из необходимости как-то реагировать на подобные случаи, стало появляться нечто вроде системы для поддержания закона и порядка, сообща с поселениями в соседних мирах.

Постепенно обретала очертания и собственная жизнь Хелен. Папа не раз намекал, что Хелен шестнадцать и пора избрать некий путь. Ну что ж. Она стала акушеркой, хотя подумывала и о том, чтобы специализироваться – заняться лекарственными травами. Множество растений и грибов, которые они обнаружили на Западе-101754, не росли на Базовой Земле. Она могла стать бродячим торговцем, а может быть, учителем – гуру, который путешествует по мирам со своими знаниями, товарами и уникальными травами. Впрочем, Хелен решила, что еще успеет определиться.

Они жили не в раю. На Долгой Земле можно было потеряться – и потерять себя. Но, возможно, весь свой простор Долгая Земля преподнесла человечеству в качестве финального подарка. Простор, дававший любому шанс жить так, как хочется. Хелен подумала, что ей нравится счастливый компромисс, которого они достигли в Перезагрузке.

Вскоре после этого появился Джошуа Валиенте, который возвращался из далеких миров, ведя за собой на буксире сломанный воздушный корабль и источая романтику Верхних Меггеров – и, да, рядом с ним была Салли Линдси. Хелен, тогда семнадцатилетняя девочка, почувствовала, что ее мир перевернулся. Она ушла вместе с Джошуа, и они поженились и стали создавать очередное молодое поселение.

Базовое правительство тем временем вновь протянуло руку к разбросанным колониям и собрало их под так называемую Эгиду. Внезапно всех обязали платить налоги. Джек Грин, которого недавнее письмо и прекращение поставок привели в ярость, еще больше разозлился, когда ему навязали Эгиду. Хелен подумала: в отсутствие мамы он заполнял политикой пустоту в своей жизни.

А появилась Салли, и Джошуа вновь отвлекся на нее.

Ночью, накануне отбытия на твене в Вальгаллу, когда вещи уже были сложены, Хелен не могла заснуть. Она вышла на веранду – на этой прохладной Земле стояла необычайно теплая для марта погода. Хелен посмотрела на твен, висевший на привязи в небе над городком. Со своими боковыми огнями он напоминал модель галактики. Хелен негромко произнесла:

– Были мы веселы́, и юны, и умны...

Джошуа вышел к ней, обвинил сильными руками талию жены, уткнулся носом в шею Хелен.

– Что это, любимая?

– Одно старое стихотворение. Викторианской поэтессы по имени Мэри Элизабет Кольридж. Боб Йохансон читал его восьмиклассникам.

*Были мы веселы́, и юны, и умны,
Но пришли к нам на праздник хмельной
Двое – женщина с Западом в странных очах
И мужчина, к Востоку спиной.*

Правда, цепляет?

– Ни на Востоке, ни на Западе я о тебе не забуду. Обещаю.

Хелен не нашла слов для ответа.

6.

Нельсон Азикиве – преподобный Нельсон, как обращались к нему прихожане в церкви, или просто «преп», как они называли его в пабе, – наблюдал, как пастух Кен ухватил беременную овцу и перебросил через плечо. Для этого требовалась недюжинная сила, с точки зрения Нельсона: овцы у Кена не были легковесами.

Кен зашагал к живой изгороди.

Он сделал еще шаг. И исчез.

И появился через несколько секунд, вытирая руки не слишком чистым полотенцем.

– Ну, пока сойдет. Там пока остались волки, до которых не дошло. Попрошу Теда протянуть еще тысячу ярдов электрического ограждения. Хотите посмотреть, преподобный Нельсон? Вы удивитесь, сколько дел мы там провернули. Совсем рядом.

Нельсон помедлил. Он терпеть не мог тошноту, которая накатывала после перехода. Утверждали, что спустя некоторое время перестаешь ее замечать, и, возможно, так оно и было, по крайней мере для некоторых, но Нельсону каждый переход давался с трудом. Однако следовало вести себя по-добрососедски. В конце концов, позавтракал он давно, и, быть может, удастся обойтись сухими позывами... Нельсон нащупал в кармане рычажок переходника и зажал рот платком.

Когда он немного оправился, то в первую очередь заметил, что в последовательной Англии – в одном шаге от дома – не было тщательно расчищенного поля под ногами, зато прямо за оградой, сложенной из камня, росли лесные деревья. Старые. Гигантские. Упавшие стволы поросли ярким мхом и грибами. Это могло послужить приятным поводом для написания проповеди о силе и тщетности человеческих устремлений. Но Нельсон, которому подходило под шестьдесят, не собирался всю жизнь оставаться священником.

Здесь было светлее, чем дома, и Нельсон взглянул на солнце, которое, казалось, в этот мартовский день стояло в нужном месте... ну, более или менее. Хотя время в последовательных мирах шло примерно с той же скоростью и события, определявшие календарь – закат, рассвет, смена времен года, – случались плюс-минус одновременно, но, если верить последнему выпуску «Природы», некоторые из новых Земель подчинялись не *совсем* одному ритму. Они отставали от ближайших соседей или опережали их на долю секунды, что можно было доказать при помощи тщательных астрономических наблюдений, например за покрытиями звезд. Еле заметная, но реальная разница, для которой Нельсон не находил никаких логических объяснений. Никто не знал, как и почему возник этот феномен, – и до сих пор никто его не изучил, поскольку то была лишь одна из множества загадок, порожденных последовательными мирами. Как странно, как причудливо...

Разумеется, Нельсон перестал мыслить как священник, обратившись, хоть и со стыдом, к своему изначальному состоянию – состоянию ученого. Но по всему миру люди – в том числе коллеги Нельсона – уже на протяжении четверти века бросали дома, собирали вещи и отправлялись исследовать великую анфиладу миров, называемую Долгой Землей, и никто не знал, как она работает, хотя бы на самом базовом уровне: как на ней течет время и как эти миры там оказались... а главное, для чего. Ну и как священник должен был реагировать?

Именно это, хоть и косвенно, служило причиной внутреннего беспокойства Нельсона.

К счастью для коз и беременных овец вокруг – и для Джой, молодой пастушьей собаки, которую обучал Кен, – им не приходилось лежать ночью без сна, размышляя о подобных вещах. Искоса поглядывая на Нельсона, животные затрусили прочь. Овцы щипали траву, козы лопали буквально все, что попадалось.

Пастух Кен объяснил Нельсону, что значит Долгая Земля для таких, как он. В последовательной Англии, на Западе и Востоке-1 и 2, фермеры расчищали заросшую лесами землю

в масштабах, невиданных со времен каменного века, – и им пришлось заново этому учиться. Сначала вырубашь деревья и употребляешь их на что-нибудь полезное, потом выпускаешь пастишь животных, либо выращенных прямо на месте, либо принесенных по одному с Базовой Земли. Вся молодая поросль падет жертвой овец и коз – таким образом, лес не вырастет вновь. Зато трава пробьется. Трава умна, говорил Кен. Она выживает даже после того, как ее съедят до основания.

Нельсон неверно судил о Кене, когда впервые встретил этого загорелого, крепкого, молчаливого человека, чьи предки жили среди здешних холмов с тех пор, когда на свете вообще появилась такая штука, как предки. Лишь по чистой случайности Нельсон выяснил, что Кен некогда читал лекции в Батском университете, пока, как и многие другие, вскоре после Дня перехода не переосмыслил свою жизнь и будущее. В случае Кена его будущее лежало на ферме в одном шаге от Базовой Земли.

Кен был типичным представителем британской нации. Опыт освоения Долгой Земли поначалу проходил в Англии болезненно. Эмиграция с перенаселенных Британских островов, особенно из промышленных городов на севере, в Уэльсе и Шотландии, далеких от самодовольной столицы, обрела такие масштабы, что резкое сокращение населения привело к экономическому кризису – и к инфляции. Те годы назвали Великим Спадом.

Но затем в последовательных Британиях начала развиваться своя экономика. И последовала вторая волна эмигрантов – более осторожных, практичных, трудолюбивых. К тому времени на Ближних Землях полным ходом шла промышленная революция; казалось, у англичан в крови постройка паровых двигателей и железных дорог. Некоторая доля с трудом обретенных богатств уже начала возвращаться на Базовую Землю.

В дальнейшем, исследуя и колонизируя Долгую Землю, британцы проявили себя дотошными, терпеливыми и осторожными – и достигли заметных успехов. Как Кен.

Но теперь Нельсону предстояло свое путешествие.

Они провели некоторое время, обсуждая состояние стада. Потом Нельсон кашлянул и произнес:

– Знаешь, Кен, мне очень нравится у себя в приходе. Такое мирное место. Хотя внешне вещи меняются, их душа остается прежней. Понимаешь меня?

– Хм.

– Когда я впервые сюда приехал, то часто гулял по холмам. Я видел следы людей, которые здесь жили испокон веков – до того, как Англия стала Англией. На церковном дворе и на военном мемориале я встречаю фамилии, которые повторяются из века в век. Порой кто-нибудь уходил сражаться за короля, которого не знал, в края, где никогда не бывал; иногда он не возвращался домой. Но земля выдержала, понимаешь? Эти места, удаленные от больших городов, остались более или менее неизменными после великих потрясений со Дня перехода. Наверное, здешним жителям было очень тяжело уходить. И мне будет нелегко.

– Вам, преподобный?

– Ты первый, кому я говорю. Я поговорил с епископом, и он разрешил мне уйти, как только придет мой преемник... – Нельсон обвел взглядом стада. – Посмотри на них. Они пасутся, как будто им предстоит целая вечность, и вполне счастливы.

– Но вы-то не овца, преподобный.

– Да. На самом деле изрядный кусок жизни я был ученым – и принес обет иного рода, нежели тот, которому подчиняюсь сейчас. Хотя, должен признать, в голове у меня они почти нераздельны. Короче говоря, мне нужна новая цель – цель, которая больше соответствует моим способностям и моему прошлому, уж прости эту нескромность.

– Вы меня и за большее прощали, преподобный.

– Может быть, да, а может быть, нет. Ну, если ты закончил, разреши угостить тебя пинтой в пабе. А потом мне нужно кое-кому позвонить.

Кен ответил:

– Пинта – это прекрасно.

Он свистнул.

– Джой! Сюда, девочка.

Собака примчалась на зов, виляя хвостом, и прыгнула в сильные объятия Кена, как привыкла, чтобы хозяин мог отнести ее обратно на Базовую Землю. Ужин в миске Джой регулярно появлялся в совсем ином уголке множественной вселенной, но собаку это совершенно не заботило, лишь бы хозяин не забывал ей свистнуть.

7.

Нельсон знал: рассказать Кену такие новости – все равно что нанять рекламного агента. Ну, что сделано, то сделано.

Вернувшись домой, он сделал несколько последних звонков – признаваясь, извиняясь, принимая поздравления. А потом с облегчением перезагрузил компьютер, откинулся на спинку кресла и стал наблюдать, как загораются многочисленные экраны. «Параметры поиска. Первое. Возвращение воздушного корабля «Марк Твен». Второе. Лобсанг. Дополнительно: информация из СМИ за последние двадцать четыре часа, с уклоном в актуальные проблемы, участь бритву Оккама...»

Диапазон частот здесь был кошмарным, но только не для Нельсона. Человек с таким прошлым – а он некогда работал на Корпорацию Блэка, пусть и не напрямую – обзаводился множеством контактов в разных полезных местах. Рука руку моет. Не далее чем в прошлом году рядом с кладбищем приземлился черный вертолет, и группа техников, ступив на приходскую землю, обеспечила Нельсону доступ к любому количеству спутниковой информации – включая каналы, очень мало кому известные, – а главное, средства для ее расшифровки.

Покончив с последними новостями, Нельсон отправился на кухню. Исследования вроде тех, что он начал, никогда не бывают быстрыми, и, пока его программные агенты бороздили сеть, он разогрел себе карри в микроволновке.

И задумался – как часто делал – о предыдущих обитателях этого домика. Электроника в кабинете – телефон, лэптоп, планшет – была более или менее современной, хотя, по большей части, не удивила бы пользователя десять-двадцать лет назад. К этому аргументу прибегали некоторые критики, не одобрявшие эмиграцию. Потребности оказывают давление на людей; необходимо голодать, чтобы что-нибудь изобрести, и жить в окружении конкурентов, чтобы стремиться к новым вершинам. А на Долгой Земле, где было легко наполнить брюхо, изобретения прекратились. И все же никто из предшественников Нельсона, даже из самых недавних, не обладал таким доступом к технологиям, неважно, устаревшим или нет.

Причем Нельсон, как и они, не смог заставить древний сортир работать как положено. Нельсону нравилась эта мысль – она возвращала его к реальности.

Закончив с готовкой, он вернулся в кабинет – поиск еще шел – и за едой зашел в «Мастер-викторину». Это был малоизвестный чат, доступ в который получали только по личному приглашению – а приглашение представляло собой череду заданий. Нельсон, заинтригованный головоломкой, которую ему прислали без всяких комментариев, однажды, несколько недель назад, после вечерни занялся ею, потратив на разгадку двадцать семь минут. В награду ему прислали еще одну, такую же дьявольски запутанную. В течение нескольких следующих дней задачи возникали одна за другой. Нельсона впечатляли вопросы, которые требовали не только познаний в самых разных областях, но также и умения пользоваться этими познаниями наперегонки со временем, привлекая множество дисциплин и антидисциплин... В сфере умников и чудаков, в погоне за ускользающим и странным, сильнейший интеллект, как понял Нельсон, ничего не стоил без способности быстро аккумулировать знания, без интуиции и бесконечного интереса к странному и из ряда вон выдающемуся. Именно таких людей, судя по всему, и отбирала «Мастер-викторина».

На седьмой день Нельсона впустили в чат. Тогда впервые он узнал его название. На первый взгляд «Мастер-викторина» выглядела как самый обычный чат, за одним исключением: все участники знали, что они в некотором смысле – избранные, и это придавало происходящему особый оттенок. Самозванная элита интеллектуального мира – и притом очень полезная, если навести ее на цель.

То и дело разговоры в чате возвращались к монополии, известной как Корпорация Блэка, которую участники по большей части терпеть не могли. И это, разумеется, само по себе было загадкой.

Когда Нельсон выходил в сеть или, точнее, в сети, то встречал в киберпространстве множество людей, которые испытывали непреодолимое отвращение к черным вертолетам, правительству, частому мытью, а главное – секретам, и в довершение всего истово ненавидели Корпорацию Блэка. Что было довольно странно, если подумать, поскольку продукция Блэка более или менее поддерживала саму инфраструктуру интеллектуальных чатов. Разумеется, они всегда полнились домыслами, слухами и откровенным враньем о том, что происходило в суперсекретных лабораториях Корпорации.

Да, все знали историю Блэка, некоторые эпизоды которой стали, с точки зрения Нельсона, известны не хуже, чем история Рождества Христова. В своем роде это был классический американский сюжет. В начале девяностых Дуглас Блэк, которому не исполнилось и тридцати, и его сподвижники открыли «маленькую компьютерную фирму» на нефтяные деньги, которые оставил Блэку покойный дедушка. С самого начала продукция фирмы включала такие востребованные клиентами вещи, как компьютеры с мощными аккумуляторами и свободный от багов софт. Машины, которые были партнерами человека, а не средствами для выкачивания денег и не рекламой каких-то будущих усовершенствованных моделей. Машины, которые казались совершенными. И с самого начала Блэк начал жертвовать деньги в разные благотворительные фонды по всему миру, включая учебную программу в Южной Африке, в которой принял участие и сам Нельсон.

Со временем продукция Блэка поднялась на новую высоту и начала заметно прогрессировать. Блэк получил множество наград за свою интеллектуальную смелость, насколько знал Нельсон. В конце концов, он ведь стал основателем «интуиционной лаборатории». Теория гласила: поскольку множество важных научных открытий были сделаны по чистой случайности, значит, процесс можно ускорить, если создать ситуацию, в которой совершается очень большое количество случайностей, и внимательно наблюдать за результатами. Если верить легенде, Блэк даже сознательно брал на работу людей, которые не вполне сознавали, что делали, или обладали плохой памятью, или отличались врожденной невезучестью и безалаберностью. Идея, конечно, была бредовая. Хотя Блэк принял кое-какие меры предосторожности – в частности, выстроил свою лабораторию так, как обычно строят фабрики взрывчатых веществ.

Инновации Блэка обеспечили ему гигантские цифры продаж, любовь публики и массовую атаку врагов, которых он мгновенно нажил. Почтенные компании, которым он доставлял неприятности и чьи доходы свел почти к нулю, обвиняли его в чем попало, от монополистских замашек до недостатка патриотизма. Но публика не проглотила наживку – напротив, люди продолжали покупать изящную продукцию Блэка. И, несомненно, влюблялись в самого Блэка – героя, гордого авантюриста, который показывал нос старым, отстающим от времени фирмам, вкладывая огромные суммы во внушительные, сверхзатратные, безумные проекты наподобие подводных домов и прыжков на орбиту и в то же время рассыпая вокруг благодеяния и добрые дела, на которые уходили умопомрачительные деньги.

Боги воистину улыбнулись Блэку, когда результаты эксперимента, целью которого было найти новый тип хирургического пластика, перегрелись на солнце и превратились в «гель», как его впоследствии называли, – занятное квазиорганическое вещество, обладающее самоорганизующейся и самовосстанавливающейся бионейронной схемой, достаточно разумное, чтобы физически приспособиться к обстоятельствам, в которых оно оказывалось. После первых опытов газеты называли это вещество «разумным пластырем», но вскоре оказалось, что в нем кроется нечто большее и гораздо более смышленное. Гель – самокорректирующееся и пластичное средство хранения и переработки информации – во всех своих формах стал основой продук-

ции Блэка. Появились новые товары – и новые представления о товарах. Множество конкурентов Блэка вообще сошли со сцены.

И тогда правительство насторожилось. Блэк был попросту слишком богат и влиятелен, а также слишком щедр и популярен, чтобы его терпеть. Правительство Соединенных Штатов попыталось взять действия Блэка под контроль, прикрываясь различными фиговыми листками вроде национальных интересов, или, по крайней мере, развалить его империю. Говорили про суверенное право государства, про милитаризацию предприятий Блэка.

Но он поспешно принялся вкладывать средства в проекты, как будто не имевшие ничего общего с обороной и безопасностью, например в медицину. Внезапно корпорация принялась опекать обделенных членов общества, позволяя немым говорить, а хромым ходить. Люди начали видеть, слышать, передвигаться, бегать, плавать, даже жонглировать благодаря протезам, имплантам и прочей продукции, выпускаемой Корпорацией Блэка и ее филиалами. С таким послушным списком Блэк мог спокойно утверждать, что административные гонения не имели под собой никаких национальных интересов; правительство просто преследовало крупный капитал и, о ужас, склонялось к социализму.

Блэк сделал еще более широкий жест, когда – почти десять лет назад – через посредство международного синдиката промышленников практически подарил ООН, мировым правительствам и людям на новых землях технологию производства твеннов. Твены, которые курсировали в пределах американской Эгиды – полицейские и военные корабли, как и коммерческие, – сплошь были произведены Корпорацией Блэка и построены по себестоимости. Более того, синдикат основал новые благотворительные фонды, и Блэк в очередной раз стал героем.

Невзирая на все это, тем не менее имя Дугласа Блэка для многих в аутернете было ругательным.

Нельсон тщетно искал разумные причины и не нашел ни одной. Среди любителей изливать желчь в сети не было тех, кто затаил на Блэка личную обиду; никто, к примеру, не работал в конкурирующих компаниях – и, следовательно, их карьере ничто не грозило. Едва ли не самое страшное, что можно было сказать о Дугласе Блэке как о человеке, так это назвать его трудоголиком, который работал что есть сил и требовал того же от подчиненных. Возможно, потому-то он и не пользовался популярностью. В сети ходила легенда, что интуиционная лаборатория Блэка стояла даже за изобретением переходника, который положил начало Долгой Земле. Блэк чем-то разозлил изобретателя, и схема переходника сделалась всеобщим достоянием, взбудоражив человечество, – но никто не заработал на этом ни пенса, во всяком случае напрямую.

Тайн было много. И Блэка ненавидели.

Люди, скрывающиеся за разнообразными псевдонимами, которые попадались Нельсону на глаза в «Мастер-викторине», отличались умом. Что было неудивительно, учитывая высокую планку, установленную для входа в чат. Иногда казалось, что членство в «Менса»⁵ дает не более чем право виртуально подносить кофе на этом сборище. Участники «Мастер-викторины» были неглупы, о нет. Но...

Нельсон встречал различных людей на своем жизненном пути и думал, что хотя бы некоторых из них способен разгадать. Эти мужчины и женщины были умны, по-настоящему умны. Но в некоторых, даже через безличное пространство чата, он ощущал нечто темное и потаенное. Нечто, выдаваемое случайным комментарием или нетривиальным оборотом фразы. Зависть. Или параноидальные подозрения. Недоброжелательство и холодную ненависть – чувство, которое нуждалось в отдушине, в *любой* отдушине. Человек наподобие Блэка, который был общественным деятелем, а потому объектом либо зависти, либо подозрений (ведь совер-

---

⁵ «Менса» – международный интеллектуальный клуб, для вступления в который нужно получить максимально высокие баллы при сдаче стандартных тестов.

шенства не бывает), становился идеальной мишенью. Это настроение редко выходило наружу, но бросалось в глаза тем, кто умел наблюдать.

Особенно если наблюдатель вырос в Южной Африке и еще не забыл детских впечатлений.

В любом случае, что бы ни думали остальные про Блэка, Нельсону нравилась Корпорация во всех своих чудесных и многообразных проявлениях. В особенности ему нравились загадки, которые возникали в связи с различной деятельностью Корпорации, – и он мог их разгадывать.

Например, бесцельно скользя по периферии информационного облака, которое окружало Блэка, Нельсон заметил, как часто упоминают некий «Проект “Лобсанг”». Но при любом поиске он заходил в тупик, ссылки никуда не вели. Лобсанг. Это слово означало по-тибетски «большой мозг», а значит, кто-то в Корпорации Блэка обладал не только чувством юмора, но и некоторыми способностями к языкам. Но Лобсанг было также и именем собственным, и постепенно Нельсон начал представлять Лобсанга в виде живого существа. Существа, которое можно было выследить.

И теперь Нельсон, сидя в одиночестве в своем холодном доме, перед восемью экранами – окнами в мир, – улыбался. Поиски внезапно принесли плоды.

На одном из экранов появилось изображение воздушного корабля «Марк Твен», довольно потрепанного после знаменитого ныне путешествия, – его на буксире притащили туда, где прежде располагался Мэдисон, десять лет назад стертый с лица земли взрывом ядерной бомбы. Корабль привели Джошуа Валиенте и некая молодая женщина, которую никто, насколько знал Нельсон, не смог впоследствии опознать.

Нельсон был практически уверен, что видел все трофеи, которые Джошуа Валиенте привез из своего необыкновенного путешествия на «Марке Твене». Корпорация сделала типичный для Дугласа Блэка жест и отдала годзиллабайты данных, собранных в ходе экспедиции, в распоряжение изъявивших желание университетов, для открытого публичного доступа и изучения. Годзиллабайты. Нельсону подсознательно не нравилось слово «петабайт», общепринятый термин для особенно больших объемов информации. Слову, которое напоминает нежный укус котенка, просто недостает отваги, чтобы соответствовать назначению. Годзиллабайты, с другой стороны, громко объявляли миру, что имеют дело с чем-то очень, очень большим... и, возможно, опасным.

Нельсон видел этот клип – и его варианты с других камер, под другим углом – уже много раз и гадал, отчего наткнулся на него теперь. Глядя на картинку, он обнаружил, что поспешная любительская съемка запечатлела Валиенте, который в санобработочном лагере на Западе-1 нес под мышкой кошку. Какой-то зевака за пределами кадра расхохотался и сказал: «Ух ты, корабельный кот». И кто-то, наверное неизвестная спутница Валиенте – хотя ее тоже не было видно, – ответил: «Да, умник, он еще и по-тибетски говорит».

Только очень внимательный слушатель мог разобрать эти бессмысленные слова. Но поискав, несомненно, ухватился за слово «по-тибетски» – дополнительный параметр поиска по имени «Лобсанг». Потому-то этот эпизод замысловатой саги о приключениях «Марка Твена» и выплыл на поверхность, требуя внимания Нельсона.

Что имела в виду женщина? Зачем упоминать Тибет в такой неподходящей ситуации? Нельсон пока что понятия не имел, к чему все клонится. Но он нащупал связь между одним из самых знаменитых проектов Блэка – путешествием на «Марке Твене» – и одним из самых малоизвестных, а именно Лобсангом, воплощенным в единственном слове.

Разумеется, полное отсутствие каких-либо других ссылок само по себе было подозрительно.

Сейчас он не мог больше ничего выяснить; Нельсон обнаружил только то, что уже знал и так. Он зевнул, моргнул и свернул экраны. Он не сомневался, что тут какая-то тайна, и ощу-

тил приятный холодок предвкушения при мысли о том, что пойдет по следу дальше. Именно поэтому Нельсон отказывался от приходских обязанностей – чтобы, пока он располагал ресурсами и силой, двинуться по следу, куда бы тот ни привел.

Но, разумеется, всеобъемлющая загадка, которая не давала ему покоя в первую очередь, заключалась в проблеме переходов как таковых – во внезапном открытии Долгой Земли, куда совершили прославленное путешествие на воздушном корабле Джошуа Валиенте, его ехидная спутница и, очевидно, кошка, умеющая говорить по-тибетски. В кардинальных изменениях вселенной, которые Нельсон застал на своем веку. Разумеется, он был заинтригован. Что это сулило для человечества, для будущего... и для Бога? Он не мог не задаться таким вопросом.

Наилучшей стратегией было поначалу браться за тайны поменьше. И вот, прежде чем лечь спать, воодушевленный Нельсон надел фартук, схватил ящик с инструментами и отправился в уборную. Она представляла собой массивное строение с каменным полом и поручнями возле унитаза. Отличный был бы сортир, если бы за все эти годы кто-нибудь сумел его наладить. Работал он как угодно, только не так, как надо. Нельсон поклялся до отъезда привести уборную в порядок, и потому он с особенным тщанием пытался выяснить, отчего унитаз неизменно засорялся при восточном ветре.

«Честно говоря, – подумал Нельсон, стоя на коленях перед потрескавшимся фаянсовым сидалищем, как перед языческим идолом, – просто диву даешься, с чем готовы мириться англичане».

8.

Итак, семья Валиенте отправилась в Верхние Меггеры, в Вальгаллу, чтобы оттуда пуститься в дальнее путешествие на Базовую Землю. Полет на твене через три сотни миров занял всего лишь несколько часов.

В Вальгалле их встретил Томас Куангу с большим самодельным плакатом с надписью «Валиенте». Еще один старый приятель Джошуа. Томасу подходило под пятьдесят, длинные черные волосы он стягивал в хвост, а смуглое красивое лицо озаряла широкая улыбка. Он говорил с осязаемым австралийским акцентом.

– Добро пожаловать, клан Валиенте, добро пожаловать на Землю номер один миллион четыреста тысяч. Ну, официально четыреста тысяч тринадцать, поскольку наши отцы-основатели добирались сюда, будучи под кайфом, и сбились со счета, но для красоты мы обычно округляем. Рад тебя видеть, Джошуа.

Джошуа улыбнулся и пожал ему руку. Томас нагнулся, чтобы помочь донести вещи.

Еще не вполне придя в себя, слегка пьяные от лекарства, снимавшего тошноту, они стояли на бетонной площадке под выпуклым корпусом корабля – Джошуа, Хелен, Дэн и Билл Чамберс, с грудой багажа в ногах. Джошуа показалось, что сходявшие с твена пассажиры терялись на просторах аэродрома.

А за ним расстился город Вальгалла – группы массивных зданий под синим небом, слегка затянутым смогом. Слышался шум транспорта, ревели и лязгали машины на стройках. Здесь было тепло – теплее, чем в Черт-Знает-Где, но тем не менее за запахом горячего гудрона и бензина в этом новом городе Джошуа ощущал соленый аромат близкого Американского моря, совсем как он помнил его со времен своего первого визита, десять лет назад.

Над головами скользнуло что-то массивное, гудя и вздымая вихрь, – еще один твен, большой, грузовой, отправлялся в обычный транзитный маршрут к Ближним Землям и Базовой. Главная функция Вальгаллы заключалась в том, что она служила транспортным узлом, конечной станцией для бесчисленных воздушных кораблей, которые курсировали по миллиону миров с грузами и пассажирами. Не случайно Вальгалла возникла в том месте, которое в большинстве последовательных Америк лежало в районе Миссисипи: на твенах грузы возили между мирами, а по реке сплавляли в пределах одной Земли.

Дэниэл Родни Валиенте, восьми лет от роду, никогда еще не видел кораблей такого размера. Он восторженно запрыгал.

– Мы покатаемся на такой штуке, па?

– Да, скоро, сынок.

– А вот и Салли Линдси, – сказала Хелен. – Какой сюрприз.

– Перестань, – негромко попросил Джошуа. – Я ведь сам договорился с ней здесь встретиться.

Салли была одета как обычно, в походную безрукавку с бесчисленными карманами, и несла с собой легкую кожаную сумку.

– Сколько шума, – сказала она, подходя, и драматическим жестом приложила ладони к ушам. – Повсюду шум. Нас нужно звать *Nomo clamorans*. Человек шумливый.

Хелен без улыбки взглянула на нее.

– Путешествуешь с нами? Великий странник согласился лететь на коммерческом твене?

– Ну, мы все едем в одну сторону. Почему бы и не возобновить знакомство? Можем обменяться рецептами мороженого.

Джошуа схватил жену за руку, на тот случай, если ей вдруг вздумается закатить Салли оплеуху.

Улыбка Томаса, наблюдавшего за этой немой сценой, слегка остекленела.

- Та-ак... чую напряжение в воздухе.
- Тут всё сложно. Лучше не спрашивай, – буркнул Билл.
- А это что за тип? – резко поинтересовалась Салли.
- Томас Куангу, – сказал Джошуа. – Он мой давний друг.
- Вы меня не знаете, мисс Линдси, зато я слышал о вас от Джошуа.
- О боже. Поклонник.

Хелен шагнула вперед.

- Мы еще не знакомы толком, мистер Куангу. Я Хелен Валиенте, урожденная Грин...
- Та самая. Ну конечно, – Томас пожал ей руку.

– «Та самая»? – Салли рассмеялась.

– Вещи все здесь? У меня тут машина неподалеку. Джошуа заблаговременно послал мне сообщение, и я заказал для вас номера в отеле...

Пока они шагали по бетонной площадке, в толпе прочих пассажиров, Томас сказал:

– Не вините жителя Вальгаллы за то, что он внимательно изучил подвиги Джошуа, мисс Линдси.

– Он женат, – строго заметила Хелен. – И больше никаких «подвигов» не будет, если только я смогу этому помешать.

– Да, но все-таки во время Того Самого Путешествия он открыл Пояс Вальгаллы. Пачку Северных Америк с богатыми внутренними морями. Самое то для колонизации.

– Открыл? – огрызнулась Салли. – Если не ошибаюсь, я тут побывала первой.

Они дошли до машины – низкого открытого электромобиля с восемью пластмассовыми сиденьями.

– Ну, запрыгивайте.

Машина отъехала.

– Мы с Томасом старые друзья, – сказал Джошуа, то ли объясняя, то ли извиняясь.

– То есть он странствует уже давно? – уточнила Салли.

– Мы встретились в Верхних Меггерах, много лет назад... у нас обоих был творческий отпуск, хотя Томас называет их «походами». Мы вроде как родственные души. Узнав, что он здесь, в Вальгалле, я попросил его помочь.

Хелен сказала:

– Спасибо, мистер Куангу. Но чем же вы занимаетесь в остальное время?

– Посмотри на него, – вмешалась Салли. – Разве не понятно? Глянь, как он одет. Он стригаль. Профессиональный бродяга.

– Ну, более или менее, – через плечо отозвался Томас. – Я вырос в Австралии, и бродяги меня всегда зачаровывали. Многие мои родственники сами ушли бродить по последовательным мирам. И меня интригуют прирожденные путники – такие, как вы и Джошуа. Феномен в целом. Хотя сам я не из их числа. Еще мне интересно, какой облик приобретет человеческая цивилизация благодаря Долгой Земле. Ведь пока что со Дня перехода сменилось лишь одно поколение. Мы в самом начале пути. Кстати, я поучаствовал в разработке образа Вальгаллы. Города как такового.

– Разработка образа! – фыркнула Салли.

Томас не смутился.

– Самый чистый способ жизни на Долгой Земле – быть стригалем. Бродить можно в одиночку, семьей или компанией единомышленников... стригали просто идут, срывая плоды, которые висят пониже. Долгая Земля так богата, что нет нужды делать что-либо еще. Но суть Вальгаллы в том, что это – город, настоящий город, со всеми основными чертами крупного человеческого сообщества, как на Базовой, однако опорой для него служат стригали...

Они въехали в плотно застроенный район, и Джошуа заметил табличку «Центр 4». Здания из кирпича, бетона и дерева, стоявшие растянутыми группами, были невысокими, призе-

мистыми, массивными. Типичная колониальная архитектура. Центр города был совершенно в духе Верхних Меггеров – просторный, больше похожий на пригородный супермаркет на Базовой Земле. На широких улицах кое-где попадался транспорт, в основном на конной тяге, и пешеходы – большинство с переходниками. В Вальгалле не задерживались надолго.

Но, несомненно, в городе происходила какая-то политическая жизнь. На огромных пустых стенах кое-где висели плакаты и красовались надписи.

ПОДДЕРЖИМ МЕСТНЫЙ КОНГРЕСС

НИКАКИХ БАЗОВЫХ НАЛОГОВ!

ДОЛОЙ КОУЛИ И ГЕНОЦИД

Томас продолжал рассуждать про стригалей и города.

– Я написал книжку, – сказал он. – «Стригали и новая теория цивилизации».

Хелен нахмурилась.

– Книжку? Кто теперь читает книжки?! По крайней мере, новые.

Томас, продолжая рулить одной рукой, постучал себя по лбу.

– Она здесь. Я путешествую по мирам и устраиваю лекции.

– Джонни Шекспир, – пренебрежительно сказала Салли.

Машина остановилась перед четырехэтажным зданием с длинным фасадом. Томас сказал:

– Ну вот. «Залатанный барабан», лучший отель в Вальгалле. Номера заказаны на три недели, если вдруг понадобится.

Салли нахмурилась.

– Так долго? Зачем? Мы приехали, просто чтобы сесть на твен, идущий к Базовой.

– Салли, – мягко произнес Джошуа, – *мы* с Хелен приехали, чтобы подыскать школу для Дэна.

У Дэна отвалилась челюсть.

– Вы отправите меня сюда?

Хелен гневно уставилась на мужа.

– Отличный способ сообщать новости.

– Извини.

Хелен похлопала сына по руке.

– В Вальгалле лучшие школы в Верхних Меггерах, Дэн. Будет весело. И ты узнаешь много нового, чему никогда не научишься в Черт-Знает-Где. Но если ты не хочешь уезжать...

Дэн нахмурился.

– Я не маленький, ма. А здесь учат водить твены?

Джошуа рассмеялся и взъерошил мальчику волосы.

– Ты можешь научиться чему угодно, парень. В том-то и дело.

Хелен повернулась к Салли.

– А еще мне нужно повидать отца.

Томас кивнул.

– Джек Грин! Еще один современный герой. Основатель движения «Дети свободы», ныне организатор конгресса, который привлек делегатов из тысяч населенных Америк...

– И одна сплошная проблема, – подытожила Хелен.

– Мы не договаривались, что зависнем здесь, – огрызнулась Салли. – Почему ты меня не предупредил?

Джошуа пожал плечами.

– Ты не стала ждать, пока с тобой посоветуются. И потом, как бы ты отреагировала? Именно так, правда?

Салли взяла свою сумку.

– Я ухожу.

И исчезла с легким щелчком.

Томас вздохнул.

– Какая женщина. Надеюсь, она даст мне автограф. Пошли, надо зарегистрироваться.

9.

Утром Билл вышел, чтобы «немного пошляться в одиночку», как он выразился. Джошуа заставил приятеля взять с собой мобильник – чтобы прислать за ним машину, когда он станет «недееспособен».

Билл ушел, как раз когда появился Томас, чтобы отвезти Джошуа, Хелен и Дэна в школу. Она находилась в районе под названием Центр 7, в другой части замысловато спроектированного города. Поэтому они вновь забрались в автомобильчик Томаса и поехали.

Вальгалла заметно выросла с тех пор, как Джошуа побывал тут в последний раз. Начавшись с чистого листа, она всегда позиционировала себя как нечто большее, нежели просто город. Даже в своей базовой планировке она выглядела притягательно оригинальной: Вальгаллу составляли шестиугольные кварталы, которые тянулись по южному побережью здешней версии Американского моря, вдаваясь в девственный лес. Многие дома были покрыты светопоглощающей краской, а кое-где на крышах густо росли растения, служа еще одним – естественным – слоем кровли.

Там, где открывался вид на север, виднелось море, похожее на серебристую равнину. Береговая линия здесь лежала примерно на той же долготе, что в Базовом Чикаго. На побережье город показался Джошуа старше – это было эхо старинной Америки, воспоминания о ее морском прошлом. Там стоял настоящий порт, в основном застроенный деревянными зданиями, складами, верфями; Джошуа увидел даже нечто вроде рыбацкой часовни и предположил, что там уже наверняка есть мемориальные таблички в память о тех, кто погиб в здешнем море. Ни могил, ни костей... Дальше тянулись причалы, стапеля, молы. В море маячили серые тени кораблей, одни с механическими моторами, другие с угольными топками, и многие – под парусами, точь-в-точь реконструкции или музейные экспонаты.

Моряки исследовали новый океан, ловили рыбу, ставили ловушки. Они охотились на ужасных морских рептилий, похожих на плезиозавров, и украшали лодки гигантскими челюстями и позвонками. Как китобои XVIII–XIX веков на Базовой Земле, здешние мореплаватели изучали свои миры пристально, намного превосходя ученых и соединяя воедино разбросанные поселения на берегах Американских океанов. Они не были китобоями, в отсутствие китов, но Джошуа подумал, что нужно однажды урвать время и исследовать все это с Дэном, а заодно поговорить про «Моби Дика».

И всякий раз, когда проглядывал дальний край города, путешественники видели нечто очень странное. Последние пригороды, с многочисленными фабриками и кузнями, просто заканчивались, упираясь в вырубку или частично осушенные топи. Ни лугов, ни пастбищ, ни возделанных полей за пределами городской черты. Вальгалла обходилась без прилегающих фермерских районов.

Джошуа знал теорию Вальгаллы. Это отчасти был ответ нынешнего поколения на вызов, брошенный бесконечными просторами Долгой Земли. В День перехода человечество (ну или большая его часть, которая, в отличие от Салли и ее семьи, пребывала в неведении) начало распространяться по внезапно расширившейся Земле, диаметром в восемь тысяч миль и с такой площадью поверхности, что сфера Дайсона рядом с ней казалась шариком для пинг-понга. Как они там жили – зависело от предпочтений, образования и инстинктов. Одни мотались туда-сюда между Базовой и Ближними Землями, ища чуть больше свободного места или новых способов подзаработать. Другие, как Грины, отправлялись в дальнюю глушь и основывали новые поселения – такова была история колониальной Америки, на сей раз развертывающаяся на бесконечном фронтире. А третьи просто брели куда глаза глядят, подкрепляясь неистощимыми богатствами Долгой Земли. Их называли стригалими.

Все шло неплохо – пока не требовалось удалить зубной нерв. Или починить электронную читалку. Или человек мечтал, чтобы его дети научились не только пахать поле и ловить силками кроликов. Или из-за москитов у него началась лихорадка. Или, черт возьми, просто хотелось пройтись по магазинам. И некоторые возвращались на Базовую – или в густо населенные Верхние Земли.

Вальгалла была еще одним вариантом – новенький, с иголки, город, выросший в Верхних Меггерах, в недрах Долгой Земли, однако в ином стиле. Вальгаллу поддерживали не фермеры, а стригали. Такие прецеденты бывали и в человеческой истории на Базовой Земле. Со временем популяции охотников и собирателей вполне могли совершить что-нибудь выдающееся и перейти на уровень высокоразвитого общества. В Уотсон-Брейк, штат Луизиана, пять тысяч лет назад бродячие американские племена выстроили внушительные земляные укрепления. Вальгалла просто подняла этот образ жизни на новый, современный, сознательный уровень.

Так или иначе, именно о теории Вальгаллы Жак Монтекьют, директор школы, решил поговорить, когда пригласил Дэна и его семью к себе в кабинет для ознакомительной беседы.

– Основной принцип Вальгаллы – это баланс, – сказал Монтекьют.

Ему было около тридцати; стройный, капельку суровый, он говорил с акцентом, который Джошуа назвал бы французским, но в нем звучали удивительно знакомые нотки... и фамилия тоже казалась знакомой. Монтекьют...

В кабинете находился еще один ребенок кроме Дэна. Смуглая неулыбчивая девочка лет пятнадцати по имени Роберта Голдинг.

– Большинство наших взрослых граждан сами предпочли оставить старый мир и прежний образ жизни. Им нужно то, что может дать большой город, но они пришли на Долгую Землю не за тем, чтобы изнурять себя полевыми работами или жить в трущобе во имя городской экономики. Наш город существует без всего этого... – он ободряюще улыбнулся Дэну. – Ты понимаешь, каким образом мы живем без фермеров, которые выращивают еду?

Мальчик пожал худенькими плечами.

– Может, вы ее воруете.

Хелен вздохнула.

Роберта Голдинг заговорила – впервые после знакомства:

– Вальгалла – это город, который поддерживают стригали. Охотники и собиратели. Логика элементарная. Интенсивное земледелие может прокормить на несколько порядков больше людей, живущих на одном акре площади, чем охота и собирательство. В отдельно взятом мире сообщество стригалей, даже если природных ресурсов достаточно, неизбежно рассеется, распадется, и концентрация населения, необходимая для создания города, будет невозможна. А здесь стригали могут рассредоточиться если не географически, то по множеству последовательных миров – по сотне Вальгалл, оставленных в первобытном состоянии, – она изобразила руками что-то вроде сэндвича и улыбнулась. – Наш город – результат наложения миров, каждый из которых слегка возделан. Вместо интенсивной культивации – интенсивное собирательство, уникальное урбанистическое решение, возникшее после Дня перехода.

Джошуа показалось, что девочка словно читает по учебнику.

– А ты отлично подготовилась, – заметила Хелен, словно обвиняя Роберту в неискренности.

– Очень хорошо, Роберта, – сказал Монтекьют. – Ну и, конечно, здорово, что в географическом смысле мы живем в таком богатом месте, на берегу изобильного моря...

Джошуа щелкнул пальцами.

– Мягкая Посадка. Вот что. Вы с Мягкой Посадки. Вы оба. Я узнал ваш акцент, мистер Монтекьют, и вспомнил фамилию. Если не ошибаюсь, я некогда встречал вашу бабушку.

Тот, казалось, слегка смутился, но тут же улыбнулся.

– Китти? На самом деле это моя прабабка. Она часто вспоминала, как познакомилась с вами, мистер Валиенте, много лет назад. Да, я с так называемой Мягкой Посадки. И Роберта тоже.

– Мягкая Посадка... – негромко повторила Хелен. – Так ее назвала Салли Линдси, если не ошибаюсь? И название пристало. Говорят, все дети там невероятно умны... – она неуверенно взглянула на Дэна, который пытался завязать ноги в узел.

– Хорошо, что ты встретил однокашницу, Дэн, – сказал Джошуа.

– Только я здесь долго не пробуду, – ответила Роберта, достаточно вежливо, но прямо. – Меня пригласили в экспедицию на Восток-20 000 000.

Джошуа вытаращился на нее.

– К китайцам?

Монтекьют улыбнулся.

– И меня тоже, – признал он. – Хотя я там буду просто наблюдателем. Роберта выиграла нечто вроде стипендии. Жест доброй воли между Базовым американским правительством и новым китайским режимом. Но это все так, между прочим. Что ж, – он встал. – Давай я покажу тебе школу, Дэн, пока твои мама и папа выпьют кофе. Столовая дальше по коридору.

Дэн охотно зашагал за ним.

– Что тебе нравится в школе? Логика, математика, дебаты, черчение?

– Футбол, – ответил Дэн.

– Футбол? А еще?

– Рубить дрова.

– Правда?

– У меня даже значок есть.

Джошуа и Хелен переглянулись и посмотрели на молчаливую, серьезную Роберту. Затем они хором сказали: «Кофе» – и вышли из кабинета вслед за Монтекьютом и Дэном.

10.

Чтобы увидеться с отцом, Хелен пришлось официально договориться о встрече, и это привело ее в ярость.

Джек Грин, шестидесяти лет от роду, обзавелся кабинетом в скромном здании, которое служило в Вальгалле городской ратушей, судом, полицейской штаб-квартирой и резиденцией мэра. Он работал, когда Хелен провели к нему. Джек Грин сидел за столом, на котором лежали лэптоп, два мобильника и пачка рыхлой писчей бумаги. На стене висел большой телевизионный экран. Джек едва взглянул на дочь, которую не видел... как долго? С позапрошлого Рождества? Он сидел, предупредительно воздев палец и не сводя глаз с лэптопа, а Хелен стояла и ждала.

Наконец Джек Грин в последний раз стукнул по клавиатуре и откинулся на спинку кресла.

– Так. Готово. Извини, детка.

Джек встал, поцеловал Хелен в щеку и снова сел.

– Нужно было доделать речь, которую мы пишем для Бена.

Он имел в виду Бена Кийса, мэра Вальгаллы.

– Кстати, я как раз вспомнил...

Джек взял пульт, нажал на кнопку, и на большом экране появилось изображение сцены, несколько референтов в костюмах, звездно-полосатое знамя – и ярко-синий флаг Вальгаллы, висевший рядом с ним на заднем плане.

– Бен вот-вот будет говорить. Все в последнюю минуту, да. Но, как только он закончит, речь разойдется по всему миру и доберется до Базовой Земли со скоростью аутернета. Впечатляет, правда?

Хелен, видимо, выбрала неудачный момент для визита.

– Можно я сяду, папа?

– Конечно, конечно.

Джек снова встал – слегка неуклюже – и придвинул дочери стул. Как и многих представителей его поколения, строивших города на Долгой Земле, наподобие Перезагрузки, с нуля, в пожилом возрасте его скрутил артрит.

– Как там Дэн?

– Ты ошибся с возрастом на прошлой открытке на день рождения.

– Хм. Извини. Надеюсь, он не расстроился.

Хелен пожала плечами.

– Он уже привык.

Джек улыбнулся, продолжая поглядывать на экран.

Хелен задвинула досаду подальше.

– Я просто заскочила мимоходом, папа. Ты же знаешь, мы едем на Базовую. Заодно решили показать Дэну Свободную школу. Мы надеемся устроить его туда, если мальчику понравится.

– Хорошая идея. Один из принципов Вальгаллы – открывать хорошие школы и растить свободных, открытых, образованных людей. Это основа любой демократии.

– Папа, не читай мне лекцию.

– Извини, извини. Ничего не могу с собой поделать, милая. И прости, что отвлекаюсь. Но ситуация требует. Дело не только в непрерывно растущих налогах. Подонки из «Друзей человечества», которые финансируют предвыборную кампанию Коули, просто источают недоброжелательство, с каким бы пафосом он ни вещал об отсутствии дискриминации. Это хуже, чем расизм. На их языке мы, умеющие переходить, – низшая раса, злобные аморальные мутанты.

Нам нужно за себя заступиться. И мы боремся! Некоторые комментаторы уже предрекают, что сегодняшняя речь Кийса станет нашей Декларацией независимости, хотя они еще ее не слышали. Представляешь?

– И тебе обязательно нужно влезть, да?

– Ну а как я должен поступить?

– Точно так же ты вел себя в Перезагрузке. Командовал другими, чтобы отвлечься от собственных проблем.

– Ты заговорила так же, как твоя сестра?

Кэти, на несколько лет старше Хелен, тоже замужняя, осталась в Перезагрузке. И ей не нравилось, что прочие члены семьи перебрались в другие места.

– Нет, папа. Послушай, я в курсе, что ты не стар...

– Я не собираюсь записываться в ополчение, детка.

– Знаю, знаю... просто мне кажется, что хватит уже убегать.

– От чего?

– Ты не виноват, что мама заболела.

– Продолжай. В чем еще я не виноват?

– В том, что сделал Род.

– Твой брат взорвал Базовый Мэдисон.

– Нет. Он был частью идиотского заговора, который устроили отчаявшиеся фобики. Прости, папа. По-моему, ты заваливаешь себя работой, чтобы...

– Чтобы сублимировать вину? По Фрейдю? Надо же, моя дочь – психолог, – жестко произнес Джек. – Послушай, проблема тут не в вине. Люди живут, как живут. Но какими бы ни были твои глубокие личные мотивы, ты все-таки можешь постараться сделать что-нибудь хорошее.

Хелен указала на экран.

– Например, как твой мэр Кийс?

Джек повернулся туда же.

Бен Кийс поднялся на возвышение, держа в руках пачку рыхлой бумаги местного производства. У него была приятная кинематографическая внешность, но волосы Кийс отрастил длинные, в духе колонистов, и носил не костюм, а практичный рабочий комбинезон тускло-оливкового цвета. Когда он заговорил, Хелен с трудом могла разобрать слова сквозь аплодисменты и возгласы из зала.

– Жители Вальгаллы! Сегодня в этом мире настал исторический день – как и во всех мирах Долгой Земли. В нашей власти начать все сначала...

Джек улыбался.

– Том Пейн⁶. Это я вписал.

– ...определенными неотчуждаемыми правами, к числу которых относятся жизнь, свобода и стремление к счастью... В случае, если какая-либо форма правительства становится губительной для самих этих целей, народ имеет право изменить или упразднить ее...

– Ха! – Джек Грин хлопнул в ладоши. – А это прямая цитата из Декларации независимости. Какая минута для американского правительства! Его собственные основополагающие принципы обращены против него же!

На экране появилась стоявшая перед Кийсом толпа, которая жестикулировала, совсем как троллиха Мэри, и распевала:

– Я не хочу, я не хочу!

Хелен поняла, что отец заинтересован только речью и последующими комментариями. Она тихонько встала и на цыпочках вышла из комнаты. Джек Грин даже не обернулся.

---

⁶ Томас Пейн (1737–1809) – англо-американский писатель, философ, публицист, прозванный «крестным отцом США».

Хелен ничего не знала о революциях. Она представить не могла, к чему все идет. Впрочем, она задумалась, где же тут «права» троллей и прочих созданий, которым пришлось уживаться на Долгой Земле бок о бок с людьми.

Томас Куангу с сочувственным видом ждал ее в вестибюле. Видимо, он знал непростую семейную историю Гринов и прекрасно понимал чувства Хелен.

– Пойдемте, – предложил он. – Я угощу вас здешним кофе.

И в уютной кофейне, в нескольких кварталах от ратуши, Томас рассказал ей кое-какие эпизоды собственной биографии.

11.

Томас Куангу прекрасно помнил тот день, когда его жизнь изменилась. День, когда он оставил мир условностей и сделался профессиональным стригалем, если можно так выразиться. Это произошло двадцать лет назад, всего через пять лет после Дня перехода, когда сам феномен еще казался пугающим и новым. Томасу было тридцать.

Он позаимствовал у отца машину, выехал из Джигалонга, затормозил у потрепанного непогодой деревянного указателя и вылез под полдневное солнце, с переходником на боку. Не считая проселочной дороги, ведущей к Джигалонгу, и обнесенного забором клочка кроваво-красной земли, обозначающего вход на кенгуровую ферму в соседнем мире, там больше не было ничего. Ничего, кроме просторов Западной пустыни, огромной, гнетущей, чье однообразие нарушалось лишь одним-единственным, изглоданным эрозией валуном. Буквально ничего – во всяком случае, в глазах первых европейцев, которые, придя сюда, едва сумели разглядеть людей, которые уже жили тут. Для них Австралия была *terra nullius*, пустая земля, и это стало юридическим принципом, оправдавшим захват.

Но Томас был наполовину марту. Его всегда тепло принимали родичи с материнской стороны, даже когда она вышла по любви за белого, нарушив строгие племенные правила брака. И, с точки зрения Томаса, по крайней мере теоретически знакомого с образом жизни своих предков, здешняя земля была богатой. Непростой. Древней. Здесь ощущался груз времени. Томас знал, как существовала эта на первый взгляд бесплодная земля, как поддерживала укоренившуюся на ней жизнь. Еще он знал, как выжить, как прокормиться при необходимости.

А еще у Томаса был секрет, который принадлежал только ему.

Он нагнулся, чтобы заглянуть в пещеру, высеченную в камне тысячелетними ветрами. Она была не настоящая – просто углубление, наполовину занесенное сухим песком. Томас обнаружил ее мальчишкой, когда гостил у бабушки с дедушкой в Джигалонге и в одиночку бродил по бушу. Даже тогда он любил одиночество. В глубине пещеры, где приходилось присесть, чтобы что-нибудь увидеть, был Охотник, как Томас его называл, – примитивная фигурка, вооруженная чем-то вроде копья, которая преследовала огромное неопределенное животное, в окружении спиралей и лучей. Томас догадывался, что этому рисунку несколько тысяч лет, судя по слою патины.

Насколько он знал, до него никто не видел Охотника. И потом тоже. Томас хранил секрет.

Он всегда считал Охотника другом. Невидимым спутником. Якорем стабильности в море перемен.

Томас был смысленным ребенком. Его забрали из местной школы и начали готовить к лучшему будущему; он поступил в колледж в Перте и даже провел некоторое время в Америке, прежде чем вернулся в Мельбурн и стал делать компьютерные игры «для умников». Томас был достаточно черным, чтобы служить знаковой фигурой для либералов, и достаточно белым, чтобы те, кто его окружал, могли обращаться с ним как с равней.

А потом случился кризис сознания, и Томас начал изучать тех, кого оставил дома, – родню своей матери. Каким образом культура, насчитывавшая примерно шестьдесят тысяч лет, свободная и самодостаточная всего три века назад, сделалась самой зависимой на планете – изолированной, изгнанной с собственных земель, раздавленной безработицей и наркотиками. Каким образом она погибла под натиском насильственных переселений и «белого» образования. Каким образом во времена его бабушки племя депортировали, чтобы оно не погибло под британскими реактивными снарядами «Синяя молния», которые в опытный порядок выпускали из Вумеры.

Конечно, всем этим моральным метаниям поспособствовало то, что самого Томаса избili в Сиднее какие-то подонки, не желавшие терпеть в городе таких, как он, пусть даже в костюме и при галстукe. В любом случае у Томаса наконец открылись глаза.

Потом он женился. Ханна проходила адвокатскую практику. Молодая и умная белая женщина из богатой семьи, жившей в Новом Южном Уэльсе. Они надеялись завести ребенка. Но Ханна умерла от рака, когда ей было всего двадцать три. Хелен горячо сочувствовала Томасу, вспоминая, как внезапно ушла ее собственная мать.

Тогда Томас ощутил всю бессмысленность своей работы. Он вернулся в Перт и поступил в одну прогрессивную ассоциацию, занимающуюся правами аборигенов. У него появился шанс изучить родную культуру. Он даже работал «туземным гидом» для интересующихся белых туристов. Родственники матери смотрели на Томаса пренебрежительно, зато он многое узнал.

А потом появились переходники и открылась Долгая Земля. Персональная вселенная Томаса затрещала по швам, как и у остальных людей. Многие аборигены, особенно молодые, немедленно ухватились за возможности, предоставляемые новыми технологиями, и ушли прочь в поисках лучшего мира. Подальше от Базовой Земли с ее треклятой историей.

Сам Томас переходил редко в те дни, разве что для пробы. Да и зачем? После всех пережитых им крутых поворотов Томас едва ли сознавал, кто он такой. Он был ходячим противоречием, ни черным, ни белым, женатым – и одиноким. Что он мог узнать о самом себе в чужих мирах, чего не знал до сих пор? Его тянуло не вперед, а назад, к отправной точке, к Охотнику в пещере, к одному-единственному стабильному факту в жизни, похожему на гвоздь, вбитый в душу.

Но на сей раз Томас пришел в пещеру с переходником. Он задумал эксперимент. Выбрав наугад направление, он нажал на рычажок.

Австралия-Запад-1.

Там разводили кенгуру, как и на Востоке-1. Томас увидел спутанных лошадей, груды туш, составленные шалашиками винтовки с бронзовыми дулами. На бревне сидели несколько человек. Увидев Томаса, они протянули ему пластиковые бутылки с пивом. Он отмахнулся.

Разведение кенгуру обрело все большую популярность, даже на Базовой Земле. Их оказалось выгодно разводить на мясо. Если считать фунт на фунт, кенгуру требовали втрое меньше растительности, чем овцы, в шесть раз меньше воды и почти не производили метана (кенгуру редко пукают). У Томаса не было никаких объективных причин возражать, но ему просто казалось, что это неправильно. Новый мир казался придатком к старому, и Томас не желал иметь с ним ничего общего.

Он пошел дальше, на Запад-2, 3, 4. От каждого перехода мутило, нужно было время, чтобы оправиться.

Понадобилось два часа, чтобы добраться до Запада-10, и там Томас остановился. Он сел на выветренный край скалистого утеса, который ничем не отличался от своего оригинала на Базовой Земле, и огляделся, не спеша впитывая новые впечатления.

И вдалеке он увидел какое-то движение. Стадо огромных, медлительных, неуклюжих зверей – силуэты на фоне бледно-голубого неба. Они передвигались на четырех ногах и неопытному взгляду Томаса казались похожими на носорогов. Возможно, это действительно были сумчатые родственники носорогов, за которыми охотились родственники львов. Заметил он и кенгуру, которые стояли на задних ногах и ощипывали нижние ветви деревьев, но они были большие, больше любого кенгуру на Базовой Земле. Огромные и мускулистые. А вдалеке бежало животное, похожее на динозавра, – какой-то хищник, может быть, бескрылая птица. В мире царила тишина, не считая рева гигантских травоядных.

Томас попил воды из пластиковой бутылки. В некоторые из ближайших миров наведывались охотники, неспособные устоять перед соблазном поохотиться на местную мегафауну, но здесь, в десяти переходах от Базовой, не было никаких следов человека, даже отпечатков ног.

Томаса окружал другой мир – мир без людей. Зря он думал, что все версии Западной пустыни совершенно одинаковы. Не настолько. Этот регион везде оставался засушливым, но Томасу показалось, что здесь зеленее, чем на Базовой, – там и сям виднелись клочки жесткой травы и приземистые деревца. На Базовой Земле племя его матери шестьдесят тысяч лет покоряло землю огнем; а это был мир без европейцев, но и без аборигенов.

Томас, впрочем, пришел сюда не ради флоры и фауны.

Когда он оправился настолько, чтобы встать, то обошел скалу, направляясь к пещере – она находилась там же, где и на Базовой Земле. Томас опустился на колени, неловко придерживая переходник у пояса. Пришлось заслонить глаза от света заходящего солнца, чтобы заглянуть внутрь.

Рисунок был там, в пещере. Томас знал, что так и будет. Впрочем, не вполне *его* Охотник. Еще одна человеческая фигурка, преследующая еще одного примитивно нарисованного зверя. А вокруг – чуть иной набор спиралей, лучей, штрихов, зигзагов. Осторожно прикоснувшись к рисунку, он ощутил покрывавшую его патину. Рисунок был таким же древним, как и на Базовой Земле. Его оставил какой-то тип, который научился переходить. Сам по себе. Тысячи лет назад.

Томас сел, прислонившись спиной к камню. Он рассмеялся бы, но не хотел проявлять неуважение к тишине – а уж тем более привлекать внимание каких-нибудь сумчатых львов. Разумеется, здесь наверняка побывали путники-аборигены. Где способность переходить могла оказаться полезнее, чем в засушливом сердце Австралии? Если его предки действительно научились извлекать пользу из соседних миров, пусть даже только в экстренных случаях, доступные им ресурсы должны были невероятно умножиться.

Шестьдесят тысяч лет на то, чтобы понять, каким образом.

Но даже если так, то явно путников было меньше, чем теперь. Возможно, подумал Томас, наступило новое Время снов, повторение той эпохи, когда его предки брели по пустой земле – и она начинала существовать. Для поколения Томаса настала пора стать новыми Предками, положить начало новому Времени снов, способному охватить всю Долгую Землю.

И на сей раз они создадут мир, который не присвоят белые колонисты.

Томас с мобильником в кармане сидел у камня, один в мире.

Он мог вернуться и сообщить о своей археологической находке.

Или же пойти прогуляться. Раздеться до трусов, все бросить и уйти...

Пользуясь плодами бесконечно щедрой земли, он сделался стригалем – это было еще до появления самого слова, которое потом вошло в общий обиход. В свое время до Томаса стали доходить легенды о Джошуа Валиенте и других суперпутниках – легенды, которые распространялись по Долгой Земле, – и он уже смотрел на тех, кто разделял его образ жизни, с научной точки зрения... а потом встретил Джошуа в одной из очень далеких безмолвных Америк.

– Но это случилось потом, – сказал он Хелен. – А тогда я просто погладил того Охотника на Западе-10, встал, нажал на переключатель и ушел навсегда.

Она улыбнулась.

– Видимо, Долгой Земле есть что сказать любому из нас.

– О да. Ну а вы? Расскажите про Перезагрузку. Еще кофе?

12.

Они провели в Вальгалле три недели, чтобы Дэн привык к городу и к мысли о том, что он будет здесь учиться, пусть даже директор Жак Монтекьют и молчаливая Роберта собирались на Базовую Землю, чтобы присоединиться к китайской экспедиции. У Хелен было много времени, чтобы изучить местную кухню, в том числе попробовать разные сорта кофе – достаточно, чтобы сделать вывод, что он в достоинства Вальгаллы не входит.

Но все неудобства забылись, когда они взошли на борт «Золотой пыли». Большую часть первых суток Хелен провела, расслабляясь, посиживая в салоне и попивая отличный кофе, который ей не доводилось пить... ну да, с тех пор как отец в последний раз водил ее в уютную семейную кофейню в Базовом Мэдисоне – незадолго до того, как они покинули старый мир навсегда. Хелен было лет двенадцать.

«Золотая пыль» напоминала лучший во всех мирах отель, только снятый с фундамента и дрейфующий в облаках – оболочка длиной в восемьсот футов и гондола из полированного дерева, добытого в Верхних Меггерах, напоминавшая какой-то огромный предмет мебели. Хелен неловко было подниматься на борт. Ковер лежал даже на трапе, а в прихожей мог разместиться их дом целиком.

Конечно, их приняли как почетных гостей – Джошуа, Дэна, Хелен, даже Билла Чамберса... и Салли Линдси, которая оказалась не настолько горда, чтобы отказать от круиза на борту летающего дворца. Всё благодаря Джошуа, разумеется, – герою-путешественнику. При желании знаменитый Джошуа Валиенте мог жить исключительно за чужой счет, хотя никогда этого не делал. Джошуа был полон противоречий. Но удовольствия вроде путешествия на «Золотой пыли» он научился не отвергать – во всяком случае, к этому его приучила жена.

Дэн оказался в своей стихии. Он мечтал стать пилотом твена с тех пор, как научился ходить, и бегал даже за потрепанными маленькими местными судами, которые пролетали над Черт-Знает-Где. Когда семья взошла на борт «Золотой пыли», Хелен подумала, что у мальчика вот-вот глаза из орбит выскочат.

Но поначалу мать беспокоилась за Дэна, который впервые отправлялся в дальний путь. Хелен не была прирожденным путником, а Джошуа – не просто прирожденным, но *образцовым*. Точно так же, как Дэн сочетал в себе разные цвета – отцовские темные волосы и бледную кожу матери, – в качестве путника он тоже находился где-то посередине между родителями. И вдобавок в анамнезе у мальчугана был дядюшка-фобик, Род, брат Хелен, который вообще не умел переходить. Лекарственные препараты для преодоления тошноты значительно прогрессировали, поэтому почти каждый мог выдержать даже скоростное путешествие... почти каждый, но не все. Если Дэн выказал бы признаки дискомфорта, родителям пришлось бы прервать путешествие (Хелен, во всяком случае; она не сомневалась, что Джошуа отправится дальше с Салли), да и мечте Дэна настал бы конец. Джошуа и Хелен оба втайне испытали облегчение, когда судовой врач, который не отходил от пассажиров, когда твен пустился в путь, украдкой показал им оттопыренный палец.

Команда души не чаяла в Дэне. По настоянию Хелен мальчика обязательно сопровождал либо один из родителей, либо младший член команды, назначенный капитаном. Он сказал, что его зовут Босун Хиггз. Но в остальном Дэну позволялось лазать по кораблю, от лестниц и мостков внутри огромного «мешка», занятого пузырями с гелием, до трюма и машинного отделения. Он побывал в парадных салонах, в ресторане, служившем бальной залой, даже в рулевой рубке – огромной прозрачной выпуклости на носу судна, откуда было видно Американское море, с лесистыми берегами, и гигантские корабли, выплывавшие из соседних миров, чтобы присоединиться к каравану, идущему на восток, к Базовой Земле. Новый мир каждую секунду. Невероятное, удивительное зрелище – даже для таких малоподвижных людей, как Хелен.

На второй вечер взрослые отужинали за капитанским столом. Ни на что меньшее семья Валиенте и не могла рассчитывать. Ресторан находился на носу, прямо под рулевой рубкой. Хелен не верила своим глазам, настолько роскошной была эта зала, с белой деревянной филигранью повсюду, с позолоченными бивнями мамонта и гигантскими желудями, висевшими по углам. Оригинальные картины маслом, с изображениями различных видов Долгой Земли, украшали стены. А еще там были кресла, ковер, мягкий, как щенячья шерсть, и даже люстра над столом. Все это приятно отвлекало внимание от соседней по столу, по большей части оскорбительно богатых, – коммерсантов, транжирившие доходы, и туристов с Базовой Земли, решивших устроить «путешествие всей жизни» и неоднократно принимавших Хелен и Джошуа за обслуживающий персонал.

Главным удовольствием были виды снаружи. Из-за капитанского стола прямо в окно виднелись мелькавшие внизу миры и блестящие корпуса соседних кораблей – десятки твенгов висели под меняющимся небом, как китайские фонарики. «Золотая пыль» уже проделала долгий путь – переходя с максимальной скоростью, мир в секунду, твен мог проделать девяносто тысяч переходов за день, но в среднем летела небыстро, и путешествие к Базовой Земле должно было занять несколько недель. По мере того как наступал вечер, миры, в основном безлюдные, темнели, только раз мелькнули городские огни, и капитан сказал, что это голландская Америка, точная копия Базовой Америки, отданная голландцам федеральным правительством. Долгая Земля поначалу не приносила им особой пользы, поскольку во всех последовательных мирах земли, которые они веками тщательно отвоевывали у моря, по-прежнему лежали под водой...

Кульминация шоу – капитан рассчитал время ужина, чтобы они застали торжественный момент, как раз когда подали десерт и заходящее солнце коснулось горизонта – кульминация настала, когда великое Американское море, которое сопровождало их с тех пор, как они покинули Вальгаллу, пропало, поначалу превратившись в цепь разбросанных озер, а затем вовсе исчезнув под лесным покровом, который тянулся, насколько хватало глаз, темно-зеленый в свете вечерней зари. У Хелен зануло сердце, когда они утратили связь со своим морем – или хотя бы его копиями.

Но, когда свет померк, они увидели, что море сменилось рекой, широкой, тихой, похожей на сияющую ленту, лежавшую на земле. Это была Миссисипи, ну или отдаленная родственница великой Базовой реки, неизменной в большинстве Америк – Черт-Знает-Где в том числе тоже стоял на берегу тамошней Миссисипи. Ей предстояло сопровождать «Золотой пыли» до конца рейса.

Дэна с огромным трудом уложили спать. Хелен во всем винила десерт – слишком много шоколада. Джошуа тем временем пошел искать Билла, который праздновал с командой.

13.

Добрые жители Фор-Уотерс, в глуши последовательного Айдахо, казалось, очень обрадовались, увидев американское судно «Бенджамен Франклин» в небе над поселком. Они быстро соорудили нечто вроде обеда в складчину для пятидесяти человек экипажа; говядина была такой ароматной и пикантной, что дух покойного бычка наверняка одобрительно посматривал вниз.

Но вскоре разговор, мягко выражаясь, зашел в тупик.

Капитан Мэгги Кауфман шагала по главной – и единственной – улице городка Фор-Уотерс. Расположенное в полутора сотнях тысяч переходов от Базовой Земли, в типично фермерских угодьях Кукурузного пояса, это аккуратное поселение кишело людьми. На первый взгляд оно напоминало Додж-Сити⁷, только без перестрелок, зато, разумеется, с неизбежными башнями сотовой связи – подарком Корпорации Блэка. Местный провожатый Мэгги, мэр Жаклин Робинсон, с гордостью указывала на разные достижения, в том числе на неплохую больницу, в которой лечились и обитатели аналогичных поселений из соседних миров.

Но Жаклин, сурового вида женщина лет пятидесяти, была странно напряжена и нервничала. Мэгги подумала: возможно, из-за небольших грядок с анашой, которые она заметила в одном-двух садах, заодно с какими-то экзотическими растениями – прямо на улице, на виду.

Перехватив взгляд Мэгги, мэр Робинсон сказала:

– В основном просто конопля. В ней как таковой нет ничего страшного. Из пеньки получается хорошая ткань для рабочей одежды. Моя мать родом из Чехии, и дедушка рассказывал, как однажды копы уничтожили делянку, которая должна была стать его новой рубашкой...

Мэгги помолчала. Она знала, что порой тишина эффективнее расспросов. Затем она уточнила:

– В основном?

– Что касается других вариантов... ну, подросткам вроде бы неинтересно, и на городском собрании мы решили, что для взрослых ничего страшного нет, а детей пусть держат подальше. Правда, вынуждена признать, есть одна штука – экзотический цветок, который растет в лесу к западу отсюда, видимо, чисто местный. Вот от него крышу сносит. Даже если просто прогуляться по лесу...

Робинсон говорила слишком быстро; наконец она выдохлась и пожала плечами.

– Не обижайтесь, капитан, что я, хотя бы теоретически, смотрю на вас как на представителя правительства. У нас здесь свой набор ценностей. То есть мы считаем себя американцами и подчиняемся конституции, но сомневаемся, что какое-то далекое правительство вправе диктовать нам, что делать и чего не делать.

Мэгги ответила:

– Я – действующий офицер военного флота, а не коп. Более того, по традиции военному флоту прямым текстом запрещено лезть во внутреннюю политику. Мэр Робинсон, я прибыла не для того, чтобы критиковать или судить. С другой стороны, наша флотилия здесь, чтобы предложить помощь. У меня, как у капитана, большая свобода действий в том, как истолковывать полученные приказы...

Она сама не знала, насколько убедительно звучат ее слова. Мэр по-прежнему нервничала.

– Послушайте... вы хотите сказать что-то еще?

Робинсон внезапно взглянула на Мэгги так, словно ее застучали на чем-то дурном.

– А что вы можете сделать? Если и вправду случится что-то серьезное.

---

⁷ Додж-Сити – город в штате Канзас, в XIX веке часто подвергавшийся набегам бандитов и ставший символом необузданных нравов Дикого Запада.

Мэгги неторопливо повторила:

– Я не коп. Но, может быть, мы сумеем помочь.

Робинсон по-прежнему сомневалась. Но наконец она произнесла – с тревогой и вызовом:

– Здесь... совершилось преступление. Точнее, два преступления. Мы сомневаемся, как быть.

– Так.

– Пострадал ребенок. Наркотики. Да, наркотики. И убийство.

Мэгги ощутила, как стянулся узел в животе. Но ведь многословная защита местной наркокультуры и впрямь выглядела натянуто.

– Послушайте, – продолжала Робинсон. – Я не хочу говорить об этом на улице. Давайте зайдем ко мне.

14.

Команда воздушного корабля «Бенджамен Франклин» не выполняла никакой специальной военной миссии, пусть даже судно и принадлежало к военно-воздушному флоту.

Экспедиция «Франклина» – продолжительное путешествие по Долгой Земле – была, строго говоря, пробным опытом поддержания единства американской Эгиды, идеи, которую по-прежнему высоко ставили в Базовом Вашингтоне, даже если нигде более. Ну и плюс некоторые научные цели. Каждый последовательный мир надлежало занести в судовой журнал, зарегистрировать попутные Джокеры, описать неизвестные формы жизни, геологические формации и климатические условия – и с особым тщанием повсюду искать разумных существ. Таким образом, «Бенджамен Франклин», оснащенный для подобной миссии, был не грузовой баржей, а воздушным кораблем последней модели, до краев набитым датчиками – и оружием.

Но истинной задачей «Франклина» было обойти последовательные Земли в пределах границ Соединенных Штатов и продемонстрировать американский флаг как можно большему числу колоний – сколько удастся обнаружить (точнее, открыть). Многие не зарегистрировались у Базовых властей. «Франклину» предстояло найти и сосчитать американцев, а также напомнить им, что они таки *американцы*.

Операция началась три недели назад, в апреле, в Ричмонде на Базовой Земле. Мэгги Кауфман стояла под открытым небом в городском парке, со своей командой, старшим помощником Натаном Боссом и главным судовым хирургом Джо Макензи, перед пустой сценой с никем не занятой трибуной. По бокам сцены вяло болтались звездно-полосатые флаги, наверху висел огромный плакат «Сила в единстве». Парк располагался неподалеку от северного берега реки Джеймс, и, поскольку дело происходило на Базовой Земле, из клубов смога зловеще выступали многоэтажные здания. Некоторые были заброшены. Заколоченные окна напоминали выбитые глаза.

Барьер отделял представителей военно-воздушного флота от публики, из любопытства собравшейся со всего и даже из соседних миров. И для любопытства были причины, даже если кого-то не особенно впечатляло зрелище сотен солдат, стоявших на задних лапках. Твены и сами по себе являли впечатляющее зрелище. В небе висели шесть новеньких, сверхсовременных военных кораблей – детища концерна Объединенных технологий, «Дженерал электрик», Торговой компании Долгой Земли и Корпорации Блэка. «Шенандоа», «Лос-Анджелес», «Акрон», «Макон», «Авраам Линкольн». И «Бенджамен Франклин», старик под командой тридцативосьмилетней Мэгги. Звучные старые имена гордых новых кораблей, самых мощных во всем американском военном флоте, не считая лишь экспериментального «Нейла Армстронга», уже отправившегося с отдельной исследовательской миссией в дебри Долгого Запада.

Наконец началось какое-то шевеление, и место на трибуне занял президент Коули, заметно вспотевший в своем темном костюме коренастый мужчина с глянцевыми волосами, так густо набрызганными лаком, что у него на голове как будто торчал пластик. По бокам стояли охранники в традиционных черных пиджаках и солнечных очках.

На сцене президента поприветствовал адмирал Хайрэм Дэвидсон (военно-морские силы США). Дэвидсон, чья база располагалась в Кэмп-Смит, на Гавайях, командовал новым военным подразделением – ДолАм. Его, в свою очередь, сопровождал адъютант – капитан Эдвард Катлер, воплощенная бюрократия, с точки зрения Мэгги, но, насколько она могла судить, у адмирала он был своим человеком.

Знаменитый – ну или печально известный – Дуглас Блэк присутствовал лично, в числе политиков и прочих высокопоставленных особ, уже выстроившихся возле сцены, чтобы позвать Коули руку. Блэк показался удивительно маленьким Мэгги, которая с любопытством его раз-

глядывала. В свои семьдесят с хвостиком он, сморщенный, лысый, высохший, походил на Горлума в солнечных очках. Именно Блэк подарил им технологию, лежавшую в основе постройки военных твенгов – ту самую, благодаря которой стали возможны переходящие корабли, – и у него было не меньше прав находиться здесь, чем у других. Снабжал он или нет деньгами президентскую кампанию Коули (циничная Мэгги подозревала, что Блэк поддерживал обе стороны и еще пачку независимых кандидатов), его присутствие сделало событие еще зрелищнее.

Пока на сцене продолжались рукопожатия и похлопывания, в небе рокотал вертолет «Птичка» – символ защиты и угрозы. Сама миссия и торжественное отбытие твенгов планировались уже некоторое время, но в ответ на Декларацию Вальгаллы Базовому правительству пришлось еще расширить военные ресурсы.

Однако когда Коули подошел к трибуне, несмотря на всю шумиху и откровенное политиканство, Мэгги Кауфман ощутила внутренний трепет от того, что стояла перед лицом самого президента.

Коули заговорил. Микрофон усиливал его голос, лицо отображалось на экране за спиной. После небольшого вступления, в духе этакого рубахи-парня, президент перешел к делу.

– В День перехода в стене мира как будто открылась огромная дверь, за которой расстился заманчивый новый пейзаж. И что людям было делать? Некоторые решили уйти – те, кто полагал, что лучшая жизнь ждет их там, а не на прекрасной зеленой планете, которую дал нам Бог и которую мы теперь вынуждены называть Базовой Землей. И они ушли. Все, кто чувствовал себя несправедливо обиженными, все шайки, секты, фракции, которые считали, что им будет лучше в каком-нибудь другом месте, – беспокойные, антисоциальные или просто любопытные люди. Они отправились по неведомым тропам в никуда. Не могу отрицать, это притягательно. Дверь, которую уже невозможно запереть. Статистика показала, что в первые несколько лет после Дня перехода мы потеряли пятую часть населения Базовой Земли, подлинной Земли. И мы знаем, каковы были последствия...

Коули указал на молчаливые здания вокруг, на заколоченные окна, и кое-где в толпе послышался одобрительный рык.

– Мы стали беднее – те, кто остался дома, чтобы заботиться о родных и выполнять свой долг. Мы стали беднее – те, кто остался на Базовой Земле. И не только это. Внезапно наш прежде защищенный мир оказался открыт угрозам – незнакомым новым угрозам из бесчисленных измерений.

Экран внезапно наполнился картинками. Калейдоскоп ужасов, от печально известных убийц, террористов, насильников, похитителей, которые быстро изучили разрушительный потенциал переходов, до шайки грязных бандитов из Верхних Меггеров, которые словно сошли с экрана какого-нибудь второсортного вестерна, до откровенной жути, являвшейся из странных новых миров. Фантастического вида гуманоиды, своим обликом словно пародирующие людей, – и Мэри, троллиха-убийца с кротким взглядом. Эта фотография вызвала в толпе громкие возгласы.

– Вот почему я, как главнокомандующий, организовал в наших военных силах новое подразделение, чтобы решать эти проблемы. Оно называется ДолАм, и его представители собрались сегодня здесь, в историческом центре Ричмонда. И многие тысячи сейчас проходят обучение в лагерях по всему миру, а также на Ближних Землях. Давайте поддержим их!

Он первым зааплодировал, и толпа послушно захлопала.

– Сегодня, – громко продолжал Коули, – я объявляю начало первой важной миссии – операции «Блудный сын».

Снова послышались аплодисменты, на сей раз с ноткой недоумения.

– Не сомневаюсь, название говорит само за себя. Наша задача – не противостоять врагу, а дотянуться до заблудших детей. Мы демонстрируем не военную мощь, а твердую и уверенную родительскую власть. На этих шести превосходных новых кораблях наши юные воины

отправятся в дальние миры, на Запад – и продемонстрируют свою силу «колониям», – Кроули изобразил пальцами кавычки.

Раздались одобрителльные возгласы и крики: «Надрать им задницу!» и «Превратить Вальгаллу в парковку!».

Коули воздел руки.

– Позвольте мне еще раз повторить. Это не карательная экспедиция. Моя деятельность направлена исключительно на поддержку предпринимателей, которые активно развивают экономику так называемых Ближних Земель и увеличивают национальное благосостояние. С ними мы спорить не собираемся. Но нам есть что сказать тем, кто поселился далеко и ведет совершенно непродуктивную, никчемную жизнь – кто охотно принимает от американской Эгиды защиту, но не желает ничего жертвовать на ее содержание.

Снова аплодисменты и крики.

Коули показал толпе листок бумаги.

– Здесь у меня так называемая Декларация независимости. Издевательство над славным моментом нашей истории.

Он театральным жестом разорвал бумажку под одобрителльное улюлюканье.

– Наша миссия придет к завершению, когда командующий операцией, присутствующий здесь адмирал Дэвидсон, поднимется на ступени городской ратуши в самозваном мятежном государстве – Вальгалле – и примет заблудших сынов, которые пожелают вернуться в лоно большой семьи. Америка разбросана по множеству миров. Пора призвать тех, кто отбил от стада. Время собирать камни, время вновь обрести силу в единстве! – и Коули указал на плакат у себя над головой.

Затем он обернулся к военным.

– Чтобы выполнить эту святую миссию, я обращаюсь к вам, молодые люди. Книга пророка Исаяи, глава шестая, стих восьмой: «И услышал я голос Господа, говорящего: кого Мне послать? и кто пойдет для Нас? И я сказал: вот я, пошли меня». Кого пошлю я исполнять операцию «Блудный сын»? Кто пойдет для нас?

Всем им было велено ответить: «Пошли меня! Пошли меня!» Но дисциплина слегка ослабла – моряки и пехотинцы принялись кричать и улюлюкать.

Стоя рядом с Мэгги, Джо Макензи ворчливо проговорил:

– Коули, конечно, тот еще сукин кот, но все-таки он наш президент.

– Он просто флюгер, док, – ответила Мэгги. – Коули льстит избирателям, делая вид, что собирается обуздать Долгую Землю, и в то же время задабривает колонистов, придавая нашей миссии вид миротворческой.

Мак взглянул на тяжеловооруженные твены.

– Да уж, миротворцы. Это вам не санки Санта-Клауса. Повезет, если мы нигде не спровоцируем перестрелку.

– До стрельбы не дойдет.

– Ну, как бы там ни повернулось, нам дали задание, и нужно его выполнить.

– Это правда, – сказала Мэгги.

Конечно, как только они покинули Базовую Землю, то столкнулись с немалыми сомнениями по поводу своей миссии. Многие пионеры Долгой Земли, по крайней мере первое поколение, покинули Базовую *именно* потому, что питали сильнейшие подозрения по адресу федерального правительства. В Америке с момента основания это чувство всегда было сильно. Что Базовое правительство могло теперь предложить какой-нибудь далекой колонии? Оно грозило налогами, но при этом гарантировало чертовски мало услуг – и с течением времени отобрало то малое, что некогда дало. Защита? Но ведь никакого явного противника не было – ни плохих парней, чтоб за ними следить, ни пугал, чтобы назначить «врагами». Китай пытался оправиться

от постпереходной революции. Последовательные Европы были заселены мирными фермерами. Новое поколение африканцев возвращало к жизни свой разоренный континент, ну или его последовательные версии. И так далее. Никаких угроз.

Невзирая на слабость аргументов, Мэгги Кауфман понимала, что должна дипломатично напоминать заблудшим колониальным овцам, что они – часть большого стада. Потому что там, в округе Колумбия, кое-кто подозревал, что новообретенная страна под протекторатом Эгиды потихоньку распадается, – и правительство инстинктивно чувствовало, что позволять этого нельзя. Они так думали еще до того, как из Вальгаллы пришла провокационная Декларация.

Все это предстояло в будущем. А пока у Мэгги достаточно было проблем в настоящем. Ее неопытной команде предстояло распутать ужасающий этический и юридический узел во время путешествия на еще не обкатанном корабле, на борт которого они поднялись спустя всего несколько недель после торжественной речи Коули.

15.

Кабинет мэра Фор-Уотерс, что предсказуемо, был обставлен в колониальном стиле, хотя и располагался в настоящем особняке, сравнительно с домами эпохи Дэниэла Буна. Впрочем, старина Бун оценил бы и одобрил вывешенные на просушку шкуры, банки с соленьями в углу, лопаты и прочие садовые инструменты – мелочи быта поселенца, который по горло занят выживанием. И в доме был подвал – доказательство того, что мэр и ее семья отличались рассудительностью (или, возможно, страдали легкой паранойей). Никакой незваный гость не мог перейти в помещение, находившееся под землей.

– Пострадал ребенок, – повторила Робинсон. – Слушайте, капитан.

Мэгги села.

– Это случилось неделю назад. Девочку зовут Анджела Гартман. Семья обнаружила ее без сознания. Анджела не приходила в себя, она впала в кому и очнулась лишь через несколько дней. Мы знаем, кто это сделал, кто дал Анджеле наркотики и сам заторчал вместе с ней. И мы знаем, кто совершил убийство.

Какое убийство?!

– Где сейчас эти люди?

Мэр пожала плечами.

– Раньше нам не приходило в голову построить тюрьму. Мы выстроили на зиму каменный ледник – им и воспользовались. Он очень прочный. Вряд ли кто-нибудь сумеет из него выбраться.

– И туда вы посадили человека, который дал ребенку наркотики?

Робинсон взглянула на нее.

– Извините, вы неправильно поняли, а я неточно выразилась. У меня язык заплетается, когда я волнуюсь. Тот сукин сын не в леднике. Он в морге. Собственно, вот. В леднике сидит отец девочки.

– А, значит, он обнаружил наркодельца...

– И убил его.

– Так, – до Мэгги стало доходить. – Два преступления. Наркотики и убийство.

– Никто этого не отрицает. Но в результате мы... раскололись. Из-за того, как теперь быть. Что делать с Гартманом.

«Почему именно я?» – подумала Мэгги. Ей велели бодро махать флагом и символизировать добрую волю. Прямо сейчас Натан Босс, ее старший помощник, покупал у поселенцев свежие овощи. А она... «Ну а почему бы нет? Именно за этим я сюда и прилетела».

– Я так понимаю, что вы даже не пытались связаться с Базовым правительством?

Робинсон покраснела.

– По правде говоря, мы испугались. Мы никогда не сообщали Базовому правительству о своем существовании. Решили, что ему незачем знать.

– Ни здесь, ни в соседних мирах нет никакой местной судебной системы?

Мэр покачала головой.

Мэгги сидела молча, позволяя тишине сгуститься.

– Так. Вот что нужно сделать. В первую очередь вы должны собраться и сообщить Базовому правительству, что вы *здесь*. Мы вам с этим поможем, ну и с такими вещами, как ратификация земельных заявок. Вы посадили человека под арест без суда, без каких-либо формальных процедур, и надо разобраться. Повторю: у меня нет каких-либо прав осуществлять контроль над вами. Но мы можем помочь. И в первую очередь вы позволите нашему корабельному врачу как следует осмотреть девочку.

Через несколько часов Джо Макензи вышел из дома Гартманов. Маку перевалило за пятьдесят, он был сед и потрепан многолетней полевой практикой и работой в «Скорой». Он, конечно, по возрасту уже не подходил для экспедиций, и Мэгги пришлось обойти кое-какие правила, чтобы он мог отправиться вместе с ней. И этим солнечным вечером выражение лица доктора было исключительно мрачным.

– Знаешь, Мэгги, иногда я просто слов не нахожу. Бывает хуже, конечно, но учти, я бы не отказался провести некоторое время наедине с тем типом, вооружившись бейсбольной битой, а поскольку я как врач прекрасно знаю, куда надо метить...

В такие минуты Мэгги радовалась, что предпочла карьеру семье и детям, оставив сладостное бремя заботы о потомстве своим братьям, сестрам и подругам. Ей вполне достаточно было называться тетушкой.

– Это нормально, Мак.

– Нет, ненормально, во всяком случае для маленькой девочки. Я бы предпочел, чтобы ее отправили в клинику на Базовую для полного обследования. Или, по крайней мере, на некоторое время взяли на борт для наблюдений.

Мэгги кивнула.

– Нужно встретиться со здешним начальством.

Они сошлись в кабинете мэра. Вместе с Мэгги прибыли Мак и Натан Босс. Мэгги пригласила на встречу Жаклин Робинсон и некоторых граждан, которых мэр назвала уравновешенными и рассудительными, по крайней мере по здешним меркам. Им предстояло вынести вердикт.

Они сели, и все взглянули на капитана. Мэгги поняла, что на нее смотрят как на спасительницу. Она кашлянула. Настало время приступить к действиям.

– Для протокола – а мы ведем протокол – я хочу заметить, что это просто расследование. Если необходимо, за ним последуют должные юридические процедуры. У меня нет прав контроля. Но я приняла на себя ответственность по просьбе мэра Фор-Уотерс, чтобы беспристрастно выяснить факты. Я подвожу итоги того, что услышала; насколько я понимаю, никто этого не отрицает. Неделю назад Родерик Бэкон угостил наркотиками Анджелу Гартман, девяти лет, дочь Рэймонда и Дафны Гартман. Услышав крики дочери, Рэй Гартман вбежал в комнату и увидел Бэкона. Девочку рвало, у нее были судороги. Гартман передал ребенка матери и принялся бить Бэкона, а затем выволок на улицу и отделал так, что тот скончался через несколько минут. По словам соседей, привлеченных шумом, Бэкон молил о пощаде и твердил, что ему велел это сделать «огненный ангел» – мол, по его наущению он передал «невинному ребенку» частичку собственного «внутреннего света»... ну, вы поняли. В отсутствие адвоката я попросила моего старшего помощника, капитана Натана Босса, взять у Гартмана показания относительно событий того вечера, а также расспросить вдову Бэкона. По ее словам, накануне преступления тот собрал урожай психоактивных цветов, растущих в местных лесах. У него был какой-то бизнес на стороне, бизнес весьма сомнительный... он продавал это вещество в соседних мирах.

Мэгги замолчала. Она жалела, что ей недоставало подготовки. Обведя взглядом остальных, она продолжала:

– Для протокола. Ребенка оставят до завтра на «Бенджамене ФранкLINE» под присмотром доктора Макензи. Мать девочки может побыть с ней до утра – я пришлю сюда члена экипажа, чтобы сопроводить миссис Гартман на корабль. Тем временем... что ж, Бэкон мертв, а Рэй Гартман под арестом. Я понимаю чувства лиц, замешанных в этом деле. Я не юрист, не судья, но вот мое персональное заключение. Вынуждена признать, что Бэкон во всех отношениях виновен. Он сознательно подверг себя действию наркотика – цветов, растущих в лесу, – и, с моей точки зрения, он ответственен за свое дальнейшее поведение. Что касается Гартмана, убийство есть убийство. И все же осудить разъяренного отца я не в силах. Что дальше? Мы

напишем рапорт, и сюда с Базовой Земли придут полицейские, чтобы полностью вникнуть в дело и решить его по закону, но на это могут понадобиться годы. Эгиды велика, и полиции приходится нелегко. Тем временем Рэй Гартман сидит в леднике. Как быть? Вы – вы все – должны стать судьями и присяжными, обвинителями и защитниками. Если что, обращайтесь за советом. Но вы вправе *сами* решать свои проблемы, и я настоятельно предлагаю вам разобраться с этим самим, действуя в рамках американского закона, как вы его понимаете.

Она вновь обвела их взглядом, одного за другим.

– В конце концов, именно такой независимости вы, вероятно, хотели, когда пришли сюда. Договоритесь на будущее с соседями. Не сомневаюсь, вместе вы сможете организовать нечто вроде окружного суда. Я слышала, в колониях это становится распространенной практикой. Наймите двух-трех юристов, назначьте судью... – тут Мэгги выдохлась и встала. – Я закончила. Остальное решайте сами, сообщая. Но ради бога... Натан, сначала присмотри, чтобы ребята взяли образцы, только пускай стоят с подветренной стороны... а потом, ради бога, сожгите эти цветы. Всё, по крайней мере на сегодня. Расшифровку протокола я вам раздам завтра.

Вечером Мэгги встретила Джо Макензи, когда тот выходил из маленького корабельного медпункта.

– Ну, как она?

– Слава богу, я успел провести один семестр в детской клинике.

– Хочешь кофе?

Зайдя в каюту, Макензи с благодарностью взял кружку с кофе, сделал два блаженных глотка и произнес:

– Знаешь, по-моему, тот подонок получил что заслужил. Но мы – офицеры американского военного флота. Даже Уайатту Эрпу⁸ приходилось хотя бы делать вид, что он уважал закон.

– Надеюсь, они сами до этого додумаются. Как додумались другие поселения.

– Но в других поселениях не растут эти чертовы цветы. И, на мой взгляд, здесь попахивает хиппи – ты ведь понимаешь, что я имею в виду? Ощущение, что здешняя публика не особенно-то заботится о делах. Контркультура, которая развивается по дурному сценарию. Слишком уж у многих шарика за ролики заехали.

Мэгги уставилась на врача.

– Откуда ты все это знаешь, Мак?

– Мой дед оставил мне каталог «Вся Земля», там уйма материала по альтернативной культуре шестидесятых и семидесятых... ну, я и заинтересовался. Некоторые их ценности вполне похвальны. Но если коснуться сути... секрет того, чтобы построить дом на Долгой Земле, – не в идеалах и не в теории. И не в анаше. Это – тяжелый труд, чувство юмора, помощь соседей и взгляд в будущее. А в Фор-Уотерс – зерно трагедии. Мы с Маргаритой Джа из биологического отдела исследовали очаровательные цветочки, которые растут повсюду в здешних лесах. Галлюциноген, вызывающий привыкание. Сильнейший. И растет он, как сорняк.

– Но Мак... послушай. Неужели мы будем посылать людей из отдела по борьбе с наркотиками в каждое поселение? Придется местным как-то самим разобраться.

– Да, на Базовой в конце концов именно так и решили. После Дня перехода наркоторговля пережила бум – поскольку наркочилеры получили возможность переходить, их стало невозможно контролировать. В бедных кварталах полиция просто отступила и... Скажем так, получился естественный отбор в действии.

---

⁸ Уайатт Эрп (1848–1929) – легендарная личность эпохи Дикого Запада, якобы очистивший некоторые пограничные поселения от бандитов.

Мэгги взглянула на врача, когда он бесстрастно произнес эти слова. В ходе своей карьеры Мак, несомненно, видел множество вещей, с которыми не сталкивалась даже она, кадровый офицер. Мэгги сказала:

– Ну, с этой конкретной проблемой мы разобрались. Думаю, они просто выпустят Гартмана. Но пережитый шок пойдет им на пользу: они найдут какой-нибудь способ управляться со своими делами.

– Конечно. Вот прямо сразу, – мрачно отозвался Мак. – Самое страшное, что экспедиция едва успела начаться. Что ждет нас в следующем мире?

16.

В шести днях пути от Вальгаллы, где-то возле миллионной отметки, «Золотая пыль» остановилась у просеки в очередном девственном лесу, занимавшем целый континент. С воздуха просека казалась аккуратной маленькой четырехугольной проплешиной в зелени, до странности трогательным островком человеческого присутствия, затерянным в огромном лесу.

Но, если взглянуть пристальнее, становилось понятно, что просеку сделали не люди, а группа троллей – под руководством человека. Тролли продолжали работать даже под взглядами пассажиров, мускулы под черным мехом так и ходили.

Босун Хиггз оказался смысленным парнишкой и к тому же удивительно сведущим в том, что касалось Долгой Земли. Сознал он и значимость троллей. Эти большие гуманоиды жили повсюду, хотя и не обязательно большими группами. Они так или иначе влияли на ту местность, по которой странствовали, поскольку что-то съедали, что-то вытаптывали, что-то убрали с пути. По своей экологической функции они напоминали крупных африканских животных – слонов или антилоп гну. Как выяснила Хелен, ландшафты последовательных миров, не похожие на нынешнюю Базовую Землю, в то же время не походили и на Базовую, какой она была до появления человечества, – потому что, как только возникло человечество, тролли бежали.

Впрочем, здешние рабочие тролли выглядели вполне довольными. Но их надсмотрщик держал в руке кнут, как немедленно заметила Салли. Джошуа предположил, что он им пользуется, только чтобы щелкать и привлекать внимание.

– Ну да, конечно, – ответила Салли.

Хелен знала, что трудно судить, насколько тролль доволен. Она не раз слышала о пугающих инцидентах, наподобие печально знаменитого случая с троллихой Мэри, о котором говорили все, даже снобы на борту «Золотой пыли». Но повсюду, где были люди, были и тролли – и усердно работали. Им вроде бы нравилось. И, разумеется, если люди чересчур давили, тролли просто переходили.

Возможно, они оказались слишком полезны для того, чтобы человечество прислушалось к голосу совести. Неприятная мысль. И, как сказала Салли, оставалось лишь гадать, что сами тролли думали о людях.

С корабля сбросили припасы для лесорубов и подняли на борт образцы экзотического лишайника в маленьких пластиковых емкостях – лишайника, взятого с *очень* старых деревьев. Старые деревья были редкостью на Базовой Земле – и начали исчезать даже на Ближних Землях, где лес активно вырубали. Так торговали на «Долгой Миссисипи», как называли пилоты этот маршрут. На Базовую Землю шло сырье – древесина, продукты питания, минералы, – но оптовые товары в основном поступали из миров Кукурузного пояса, и только самые редкие и ценные вещи стоили того, чтобы приносить их из-за отметки в полмиллиона, – например, уникальный лишайник и другие образчики экзотической флоры и фауны. Наблюдая за процессом, Джошуа предположил, что, возможно, надо заняться экспортом кленового ликера из Черт-Знает-Где. В обмен Базовая Земля присылала легкие по весу, но высокотехнологичные товары, от медицинских аптечек до электрических генераторов и катушек оптического волокна, чтобы проложить приличную линию связи в новых мирах. Такая торговля испокон веков велась с поселениями на новых территориях, например между Британией и американскими колониями до Войны за независимость, когда высококачественную заводскую продукцию посылали за море в обмен на сырье. Джек Грин и его коллеги по Местному конгрессу наверняка сказали бы, что это эксплуатация. Но, с точки зрения Хелен, система работала.

И потом, кто бы кого ни эксплуатировал, разумеется, было хорошо, что бесконечная вереница воздушных кораблей связывала миры, населенные людьми. Во всяком случае, так думала Хелен.

В двенадцати днях пути от Вальгаллы они пересекли условную границу Кукурузного пояса – огромной ленты земледельческих миров, толщиной в треть миллиона, которая началась примерно в четырехстах шестидесяти тысячах переходов от Базовой. В небесах здесь было не так просторно – попутные твены плыли к Базовой Земле, встречные направлялись дальше, в недра Долгой Земли, вверх по течению, так сказать.

«Золотая пыль» до сих пор двигалась достаточно быстро, но теперь начала то и дело останавливаться. Вдоль Долгой Миссисипи в последовательных мирах стояли путевые станции, и Хелен объяснили, что, по мере приближения к Базовой, они будут попадаться все чаще. Там твены делали остановку, чтобы принять грузы, свезенные из ближайших миров. Основным продуктом импорта в этом регионе была кукуруза, и команда с помощью троллей выстраивалась в цепочку, заполняя мешками зияющие трюмы твенов. Путешественникам предлагали кое-какие удобства для отдыха и развлечения, но, как заметила Хелен, манеры здесь оставляли желать лучшего. Многие станции были снабжены небольшими каталажками.

В одном из миров, чуть теплее остальных, владельцы станции развели обширные сахарные плантации и посадили апельсиновые и пальмовые рощи, столь редкие на севере любой из последовательных Америк. Сахароварня, где обрабатывали тростник, представляла собой огромную шумную фабрику, а хозяева выстроили себе дом в колониальном стиле, с верандами и резными колоннами, увитыми магнолиями. Капитана, семейство Валиенте и еще нескольких человек пригласили выпить апельсинового ликера. В полях виднелись согнутые спины рабочих троллей, и в жарком воздухе плыло их пение.

Настоящим зрелищем для туристов в Кукурузном поясе была лесная промышленность. Целые плоты бревен из северных лесов сплавляли вниз по одной или другой Миссисипи, на станции вытаскивали из воды при помощи твена или двух, а затем тролли и люди складывали несколько плотов вместе. В результате получалась одна огромная платформа, порой достигавшая акра в длину и состоявшая из длинных прямых стволов, очищенных от коры и крепко связанных между собой. Она висела в воздухе; каждую платформу несла целая эскадра твенов. Корабли переходили из мира в мир со своим огромным грузом, с троллями и надсмотрщиками, которые ехали на платформе в хижинах и палатках. Потрясающее зрелище.

Еще интересней оказалось то, что везли на Долгую Землю. Одним из главных предметов экспорта с Ближних Земель в дальние миры были лошади. Твен приземлялся, и по огромному трапу из трюма выходил целый табун молодняка под надзором ковбоев.

Время от времени путешественники встречали остатки старых пеших маршрутов, вроде того, которым проследовала семья Хелен, направляясь в Перезагрузку, на Запад-101754. Они видели флажки, предупредительные надписи, заброшенные домики. Благодаря твенам времена медленных и утомительных пеших переходов через сотни тысяч миров минули. Эпоха, которая продолжалась лишь несколько лет, но успела войти в легенду. Хелен задумалась, что поделяют теперь люди вроде капитана Батсона, который возглавлял их партию. Но тропами еще пользовались – по ним в ту или в другую сторону гнали стаи троллей. Хелен не могла разобрать, поют тролли или нет.

Это были просто вспышки, которые исчезали через секунду, по мере того как «Золотая пыль» неслась дальше.

17.

Спустя десять лет после эпического путешествия Джошуа Валиенте и Лобсанга твены, тайну которых Корпорация Блэка бескорыстно открыла всем желающим, стали основным способом перевозок пассажиров и крупных грузов по Долгой Земле. Но, как радостно думал Жак Монтекьют, готовясь к экспедиции в недра последовательного Китая, некоторые путешествия были особенно увлекательны.

Они с Робертой Голдинг собирались стартовать из Базового Китая. Как только закончились долгие предварительные переговоры, корабли-близнецы «Чжэнь Хэ» и «Лю Ян» поднялись в облако смога, висевшее над Сянченем, в провинции Хенан. Стоя в обзорном салоне «Чжэнь Хэ», Жак смотрел в иллюминатор и видел над собой огромную серебристую оболочку, которая вздрагивала, как тело мощного животного, когда твен плыл в воздухе. Подвижный корпус твена представлял бы собой внушительное зрелище, даже если бы не был украшен изображениями сцепленных рук – символом образовавшейся восемь лет назад Федеративной китайской республики.

Вскоре они оставили позади летное поле и поплыли над фабриками, стоянками и свалками мрачной промышленной зоны. Роберта Голдинг, пятнадцатилетняя подопечная Жака, стояла у огромного, от пола до потолка, окна, бесстрастно наблюдая за пейзажем внизу. Тролли, находившиеся в обзорном салоне, принялись петь «Медленный рейс в Китай» в своей обычной манере – раз за разом, с многослойными гармониями, напоминавшими мед на куске хлеба.

Вокруг Жака различные члены экипажа, вперемежку с неофициально одетыми людьми, похожими на ученых, тоже смотрели в иллюминаторы и смеялись над шутками, которые Жак не понимал – и не смог бы перевести на английский, даже если бы понял. Жак и Роберта, оба родом с Мягкой Посадки, привыкли к постоянному присутствию троллей. Но некоторые матросы на них так и глазели, словно видели впервые. Жак заметил, что один матрос, стоявший рядом с троллями, носил на бедре какое-то массивное оружие, словно ожидал, что они впадут в буйство.

Молодая китайка в форме, видимо также член экипажа, предложила Жаку и Роберте напитки – фруктовый сок и воду. Жак взял воду.

– Спасибо.

– Не за что.

– Отличная песня.

– Мы подумали, что вам понравится, – жизнерадостно ответила она. – Мы, то есть команда. Тем более что это – *быстрый* рейс из Китая.

Китайка протянула руку для пожатия. Темноволосая, скорее аккуратная, чем привлекательная, она выглядела лет на двадцать пять.

– Я лейтенант Ву Юэ-Сай. Офицер федеральной армии, прикомандированный к Китайскому национальному космическому управлению.

– А, которое возглавляет проект «Восток-20 000 000».

– Именно. Логику сами понимаете. Наши космические инженеры умеют обращаться с самой современной техникой в незнакомых и экстремальных условиях. Кто лучше подходит для исследования далеких восточных миров? Впрочем, меня учили на пилота. Я надеюсь однажды стать космонавтом. Но сейчас у меня неофициальная задача – составить компанию вашей протеже, мисс Роберте Голдинг. Если вы не против – и мисс Голдинг тоже. Зовите меня Юэ-Сай.

– А ее Роберта.

– Может быть, Робби? Бобби?

Жак взглянул на Роберту, которая с серьезным видом пила апельсиновый сок.

– Роберта, – твердо сказал он. – И что значит составить компанию?

– Я не намного старше. И мы одного пола. Я получила широкое образование в области философии и гуманитарных наук, а также естествознания и инженерного искусства, как и мисс... как и Роберта.

– Ну, Роберта по большей части самоучка.

– Моя основная обязанность – заботиться о ее безопасности всякий раз, когда мы будем сходить с корабля. Во время наземных прогулок и так далее. Несомненно, нас ждут всякие опасные случайности.

– Какое обдуманное решение.

– Вы делаете мне честь. Я специально изучала английский язык. Как и многие члены экипажа, в том числе капитан.

– Я вижу. Спасибо. Мы сработаемся.

– Не сомневаюсь, – сказал, торопливо шагая к ним по застеленной ковром палубе, капитан Чень Чжун.

Завидев его, члены экипажа выпрямились и слегка посерьезнели. Чень поздоровался с Жаком и Робертой и показал им нечто вроде пульта управления.

– Сейчас отправимся. Мы уже в воздухе, но вскоре поплывем по мирам...

Акцент у капитана был сильнее, чем у Ву, но и сложнее. Фразы он строил почти как англичанин. Лет пятидесяти, невысокий и довольно полный для военного, как подумал Жак, капитан держался спокойно и очень уверенно. Жак побился бы об заклад, что Чень удержался на своем месте после падения коммунистического режима.

– Я рад, что вы отправитесь с нами и что все формальности преодолены. Непростой процесс, ведь наше государство совсем молодо. Разумеется, благополучие мисс Голдинг – главный приоритет.

Капитан повернулся к Роберте.

– Надеюсь, вам понравится путешествие. Какая красавица! Извините меня за эти слова. Но вы так серьезны.

Роберта посмотрела на него сверху вниз.

Чень подмигнул Жаку.

– Ваша спутница молчалива. Но наблюдательна. Несомненно, вы вникаете в детали с самого начала. Например, необычное поступательное движение корабля...

К облегчению Жака, Роберта снизошла до ответа.

– Гибкий корпус, вы имеете в виду? Снабженный чем-то вроде искусственных мускулов, которые сокращаются, реагируя на электрические импульсы?

– Очень хорошо, очень хорошо. Электричество дает солнечная энергия. Вы понимаете, почему эта система нам подходит? Попутные миры можно изучать с минимумом шума и прочего вмешательства. Мы надеемся достичь Востока-20 000 000, нашей конечной цели, которая расположена почти в десять раз дальше того места, куда добирались люди до сих пор, всего за несколько недель. Согласно подсчетам, в процессе придется поддерживать скорость, то есть поперечную составляющую скорости – в сто миль в час. Вы, конечно, понимаете зачем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.